

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, is wearing a white tank top and looking off to the side. The woman, on the right, is wearing a pink lace dress and looking at the camera with her hand near her chin. The background is a blurred cityscape.

Елена
Попова

ВОРОНА *для*

ЦАРЯ

Елена Попова

Ворона для Царя

«Автор»

2022

Попова Е. В.

Ворона для Царя / Е. В. Попова — «Автор», 2022

Мой лучший друг Юрка вляпался в неприятную историю и стал личной игрушкой школьного бунтаря. Я за него вступилась и теперь нам вместе приходилось прятаться на переменах и убегать из школы со звонком. Помочь отделаться от компании отморозков пообещал главарь банды соседнего района. Жаль, я не знала цену этой «помощи».

© Попова Е. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Попова

Ворона для Царя

– Я вам нравлюсь, Скарлетт, признайтесь?

– Ну, иногда, немножко, – осторожно сказала она.

– Когда вы не ведете себя как подонок.

– А ведь я, сдается мне, нравлюсь вам именно потому, что я подонок.

(Маргарет Митчелл. Унесенные ветром)

Глава 1

Первый день осени. На улице тепло и солнечно, как в июльский денек. В школу шла налегке: в юбке, которая в том году была мне до колена, а теперь превратилась в мини. Раз мне не купили новую, решила переделать старую. Надеюсь, никто не заподозрит, что я носила ее в десятом классе. А у белой блузки, купленной вчера на рынке, отрезала рукава по локоть и пришила к ним кружева. Так она стала еще наряднее.

С каждым шагом на пути к школе боль в пальцах только усиливалась. Маме было трудно доплатить сто рублей на другие туфли, которые мне идеально подошли по размеру. Она вцепилась в эти, несмотря на то, что остался последний размер, который меньше, чем я обычно ношу.

Ее жаба задушит, если потратит на меня лишнюю копейку. Бабушка передала ей денег не только мне на одежду и обувь, но и на новую сумку, которую мне не купили. И вчера весь вечер я пришивала ремешок к потрепанной сумке из искусственной кожи, с которой я ходила с восьмого класса. И куда мама потратила оставшиеся деньги? Не на новую ли блузку, в которой вчера крутилась у зеркала.

Со стороны школы слышался гул, музыка. Наверное, началось построение на линейку.

Лето кончилось и начинается рутина: уроки, контрольные, экзамены. От этих мыслей стало дурно. Но одно радовало: эта последняя в моей жизни школьная линейка. А дальше я пойду учиться в швейное училище и однажды стану знаменитым дизайнером и уеду жить в Москву, подальше от нашего, забытого Богом, города. А про район «Кресты», в котором я жила, старик, наверное, и понятия не имел. Назван так, потому что серые бетонные дома построены на старом кладбище. Здесь мрачные улицы с разбитыми дорогами, и разбитыми фанарями, много бомжей и алкашей, здесь каждый второй кому-то должен денег, в каждом доме ужасные, грязные подъезды с исписанными стенами, сгоревшими спичками, прилипшими к потолку, сожженными кнопками в лифтах, и сломанными перилами. Люди у нас злые, потому что каждый день видят этот пейзаж. Для молодежи тут два развлечения: дискотека в ДК, и стрелки между районами.

– Люська! – я вздрогнула от громкого голоса и обернулась.

– Юрка! – радостно завизжала я и кинулась на шею другу. Он подхватил меня за талию и закружил.

– Т-ты чего не п-позвонила, когда п-приехала?! Мне мама только с-сегодня сказала, что ты уж пару д-дней, как в городе!

– А ты чего разволновался так? Неужто, сразила тебя своим торжественным нарядом? – я покрутилась перед другом.

Юрка Фомичев раньше вообще был сильным зайкой. Несколько лет ходил заниматься к логопеду, и вот теперь заикается только когда волнуется.

– Звонила я тебе, и приходила позавчера, а у вас никого дома не было.

– Так мы два дня по рынкам ездили, шмотки покупали к школе.

– То-то я смотрю, приоделся, – хихикнула я, глядя на делового парня в черных брюках и синей рубашке в тонкую полоску.

Юрка показался мне таким взрослым. Вроде всего три месяца не виделись, а он так изменился: вытянулся, на фоне коричневого загара его зеленые глаза казались очень красивыми, глубокими, волосы выгорели у лица, а еще куда-то исчезли все его прыщи.

Мы не спеша шли к школе. Я рассказывала ему про чудесные три месяца, проведенные в деревне у бабули, а он о том, как шатался по дворам и сходил с ума от скуки и безделья.

Наши мамы дружат много лет. Они вместе работают в роддоме и обычно в одну смену. Но сейчас, пока другой врач в отпуске, моя мама работает почти каждый день, то в день, то в ночь, то дежурит целыми сутками.

Подшли к школе, где уже началась линейка. Я протиснулась к одиннадцатому «Б», Юрка к своему одиннадцатому «В». Директриса толкала торжественную речь, я от скуки зевала во весь рот, иногда вытягивала шею и искала глазами Юрку. Когда наши взгляды пересекались, строили друг другу рожи и смеялись.

– После школы меня дожись, прогуляемся, – говорила я Юрке, когда мы в толкучке пробирались в школу.

На доске была выведена надпись: «С новым 2002–2003 учебным годом!», а на другой половине доски большими буквами: «Маша Ромашова потеряла цепочку. Нашедшего просим вернуть в 306 кабинет». Машка племянница директрисы, поэтому всю школу в два счета оповестили о ее пропаже. А она сидела зареванная. Конечно, она понимала, что даже если кто-то найдет цепочку, то ее отнесут не в наш кабинет, а в ломбард. На Машку многие зуб точат, за то, что учителя ей подсказывают на контрольных и не ставят двойки если не сделает домашку. Хорошо быть родственницей директрисы, ничего не скажешь.

Сначала прошел урок знаний, где наша классная говорила о том, что грядет тяжелый последний год в школе. На классном часе играли в игру: «Угадай, кем ты станешь». Ой, до чего же затейница наша Юлия Борисовна, с ума бы не сойти! Мы по очереди доставали из коробочки бумажки, распечатывали их и говорили, какая профессия там написана. Никогда бы не подумала, что я буду сантехником! Весь класс смеялся, когда я это озвучила.

«Мухина, у меня унитаза засорился!» «Мухина, вантус в школу не забыла взять?» Юлии Борисовне тоже было весело. Терпеть не могла ни ее, ни моих одноклассников.

– Ну, до сантехника Мухиной еще расти и расти. Если и в этом году будет с двойки на тройку перекачываться, то ей только дворником и работать!

А потом кто-то с задних рядов кинул на мою парту бумажку с надписью «дворник».

Я мысленно посылала всех к чертовой бабушке и корчилась от боли в ногах. Пальцы горели в тесных туфлях, как будто их поливали горячим воском.

Наконец-то нас отпустили по домам. Я вышла на улицу дожидаться Юрку. Из школы выходил народ, а его все не было и не было. Вышли несколько его одноклассников, какие-то все взбудораженные, что-то бурно обсуждали. Даже интересно стало, что там у них случилось.

В «В» классе частенько происходили какие-нибудь ЧП. Есть у них там такой Максим Царёв, для всех просто Царь. Он переехал в наш район два года назад, и тихая жизнь Юркиного девятого «В» превратилась в ад. Начались срывы уроков, издевательства над ботаниками и учителями. Он почти сразу сколотил большую банду из самых отвязных парней школы. Кто-то из его класса, кто-то из параллельных, кто-то старше. Сейчас он главарь «Крестовских». На районе его все знают и побаиваются. Дерется круто, никого не боится. Его компания ошивается в «игровых автоматах», которые в прошлом году открылись в пристройке к общаге расположенной напротив моего дома. Бывало вечером идешь в магазин, и трясешься от страха, думаешь, как бы к тебе не прицепились. Но всегда как-то обходилось. Нас с Юркой они особо не трогали.

Царь, конечно, гаденыш, но всегда притягивал девчонок, как магнит. Он красивый, глаза голубые, волосы светло русые, и всегда взъерошенные на макушки, словно он только что снял мотоциклетный шлем. Высокий, предпочитает спортивную одежду, и особенно любит кепки, которые ему очень идут.

В прошлом году, прямо на крыльце школы, из-за Царя подрались две лучшие подруги. Они обе хотели с ним встречаться. Маячили около него в школе, у «игровых автоматов», пасли его у школьного подвала, где был расположен тренажерный зал. Царь занимался там почти каждый день после уроков. В итоге с одной из них он начал встречаться, а вторая слетела с катушек из-за ревности и набросилась на подругу. Парочка рассталась уже через месяц, а когда-то лучшие подруги так и остались врагами.

Наконец-то вышел Юрка. Весь красный, как будто его по щекам нахлестали, глаза испуганные. Я видела, как тряслись его ноги, когда он спускался по ступенькам.

– Не х-ходи за мной, Лю-лю-ська, не х-ходи, – не глядя в мою сторону, сказал Юрка и прошел мимо. Я догнала.

– Юр, ты чего? Тебя там что, били на классном часе?

– Нет, но с-сейчас, н-наверное, будут. И тебе п-попадет, если за мной пойдешь, д-дура! Отойди от меня!

– Никуда я не пойду! Вот еще! Своих не бросают!

– Эй, Фома! А ну стой! – послышалось сзади.

Я только успела обернуться и увидеть как на крыльцо вывалилась компания Царя, Юрка схватил меня за руку с криком: «Бежим, с-скорее!»

За нашими спинами послышался вист, крики и топот.

Мы петляли дворами. Из-за меня приходилось останавливаться. Я не могла бежать в ужасно тесных туфлях. Наверное, бегать с привязанными к ногам утюгами было бы куда проще. И я сто раз вспомнила маму нехорошими словами.

В одном из дворов остановились отдышаться. Юрка присел, выглянул из-за угла дома, резко соскочил на ноги, схватил меня за руку и мы снова уносили ноги.

– Спалили! – пыхтел Юрка.

– Зачем ты им нужен? – задыхаясь, спрашивала я на бегу.

– Да п-погоди ты! Н-надо сначала о-оторваться.

Мы побежали в рощу. Спустились к говнетечке, так мы называли узкую реку, и укрылись за деревьями.

– Тут нас не видно, – держась за живот, быстро дышал Юрка.

– Теперь-то расскажешь из-за чего эта погоня? – снимая туфли, спросила я.

– Видела Машка Ромашова ревела на линейке?

– Она и в классе ревела из-за своей цепочки.

– У нас в к-классе тоже на доске о-объявление н-написали: «М-маша Ромашова п-потеряла цепочку. Нашедшему п-просьба вернуть». А Царь в слове цепочка, букву «п» на «л» исправил. Весь класс у-угарал. Класнуха весь классный час к-кричала, спрашивала, кто это сделал, но Царя н-никто не заложил. А я на п-перемене Леху Белякова в-встретил из одиннадцатого «А» и рассказал ему, про то, что Царь сделал. И не з-заметил дурак, что прямо за нами ди-директриса шла и уши г-грела... В итоге Царя к ней в к-кабинет вызвали. Тот видимо отрицал, что это он букву исправил, так м-меня свидетелем позвали... Там-то я и подписал свой с-смертный п-приговор...

– Во дела-а-а... Фомичев, ты хоть понимаешь, что ты теперь стал его личной игрушкой на весь учебный год! В том году он Андрюху из нашего класса гнобил. Бедняге пришлось после второй четверти перейти в другую школу. А теперь тебя травить будут...

Мне было искренне жаль Юрку. В школе никто не хотел становиться жертвой Царева. А теперь этой жертвой станет мой лучший друг.

Но тогда я еще не знала, что я останусь крайней во всей этой истории. Что мне одной придется выживать и пройти через десять кругов ада. Это будет только моя война. И она началась, едва мы успели отдышаться.

– И кто же, кто же, у нас тут прячется? – слышался голос.

Мы с Юркой одновременно обернулись и увидели Царя. А за ним его свита, человек пятнадцать, не меньше.

Глава 2

Я не помнила, в какую минуту закончился тот кошмар. Как добралась до дома. Как вообще выжила после всего, что с нами сделали эти звери. Царь разбил пивную бутылку, схватил меня за хвост и через пару секунд на траву упали мои белые волосы. Он отрезал их горлышком. В мою белую блузку летели комки грязи, я стояла на коленях и со слезами умоляла их отпустить Юрку. Ему несколько раз ударили в живот ногами, пинали даже тогда, когда он лежал на земле свернувшись калачиком и стонал от боли. Эти гады не знали правила «Не бить лежащего». У Царя были свои правила: не бить по лицу, чтобы взрослые не видели следов от побоев, и как следует припугнуть, чтобы не посмели настучать родителям или учителям.

Помню, как на Юркину голову обрушили рюкзак, из которого высыпались учебники. Царь поднял их, и бросил в речку со словами: «Сегодня только первое сентября, ребята. Всё интересное у нас впереди!»

Когда банда Царя смеясь и улюлюкая ушли, я, утопая в грязи, пробралась к речке за учебниками, а не то Юрка был совсем плох. Благо, учебники приземлились у самого берега, и их не унесло течением. Но все равно они здорово вымокли: набухшие корочки, страницы сырые, волнистые.

Спустя минут двадцать побрели в Юркин двор. Нам на встречу шли нарядные школьники и смотрели на нас как на пришельцев: моя белая блузка была вымазана грязью, туфли из белых превратились в коричневые. Юрка был не лучше: его черные брюки как будто окунули в грязь, а на синей рубашке не хватало нескольких пуговиц.

Около часа мы просидели на скамейке в его дворе и приходили в чувство. Потом отправились к колонке на углу Юркиного дома, почистили его одежду. Мою чистить было бесполезно.

Мама обедала, когда я пришла домой. После ночной смены она обычно спала часов до трех, а сегодня проснулась раньше, и мне не удалось проскочить в свою комнату незамеченной.

– Ты где так вымазалась? – крикнула она, глядя на меня с кухни.

– Мам, тут такое было, – начала я. Мама выскочила из стола и с красным от ярости лицом подошла ко мне.

– Да ты хоть знаешь сколько денег я потратила на эту блузку? – прокричала она мне в лицо. – Ты что, их сама лично заработала? – мне прилетело по затылку. Я промолчала, что деньги были не ее, а бабушкина пенсия. – Мерзавка неблагодарная! Соплячка! – она схватила меня за руку и потащила в мою комнату, толкнула к кровати. Я сквозь слезы видела, как она вытащила ремень из моих джинсов, а потом избивала меня им.

В последнее время я не кричала от ударов, и, кажется, даже не чувствовала боль. Иммунитет. Вся боль и свежие раны были в душе. Когда ты, живя в огромном мире, где много-много миллионов людей, не знаешь к кому бежать за помощью. Не знаешь, кому выплакать всю свою боль, кто тебя выслушает и пожалеет. А ведь именно для этого и существуют родители, не так ли? Любой ребенок нуждается в их поддержке и внимании. Но после того как из нашей семьи ушел отец, мама меня возненавидела. И всякий раз говорила: «Ты такая же, как твой отец!», «У тебя его взгляд. Не смотри на меня!».

Она ненавидела его, но он об этом даже не догадывался. Мирно жил в Петербурге со своей новой семьей. А вот я знала, как она его презирает, и чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Всю агрессию на отца, она выплескивала на меня. Было такое чувство, что это я ей изменила и бросила, а не он.

Весь вечер я застирывала вещи. Пока пальцы не защипало от порошка. И только перед сном распустила волосы и расплакалась, увидев рваные пряди разной длины. Мои волосы были

длиной почти до пояса, а теперь самые длинные были на уровне лопаток, а большинство волос обрезаны по плечи.

Когда мама ушла в магазин, я набрала Юрку, чтобы узнать как он себя чувствует и заодно договориться, что будем делать завтра. Пойдем в школу, или не пойдем? Если пойдем, то нужно по любому вместе.

– Людочка, у него голова разболелась. Лёг спать пораньше, – вежливо ответила тетя Оля.

Я знала, что Юрка не рассказал ей про то, что сегодня произошло. Царь пригрозил, что если пожалуемся родителям, то закопает нас на школьной площадке заживо. Да и мы оба понимали, что жаловаться родителям дело бесполезное и неблагодарное. Они придут к директору, закатят скандал, а толку-то? Царев умеет вести себя в таких ситуациях: он станет все отрицать, а его друзья подтвердят, что он в это время был, к примеру, в тренажерном зале, или играл в футбол на стадионе. Нет свидетелей, нет доказательств, нет наказания. А потом он начнет вытравливать нас из школы как тараканов. Так было с Андреем Голиковым из нашего класса в прошлом году. Царь засунул его голову в унитаз, тот на следующий день пришел в школу с матерью. Царя и его дружков вызвали на ковер, они дружно отрицали, мол, не трогали, не видели, не знаем. А потом стали выживать бедолагу из школы. И как всегда все делали предельно аккуратно и без свидетелей. Пару раз заперли в туалете, и Андрей пропустил уроки, за что ему влетело, а потом у Светки Прониной пропал кошелек и класнуха попросила нас выложить из рюкзаков вещи. И каким-то чудным образом кошелек оказался у Андрюхи. Его прозвали вором и возненавидели. Лишь некоторые из класса, включая меня, понимали, что его подставили. Андрей не выдержал и после зимних каникул перешел в другую школу.

Даже если я и попрошу маму поговорить с родителями Царя, или с директором, она найдет тысячу причин, чтобы этого не делать. Ей плевать на меня и мои проблемы.

Она заметила, какая грязная на мне одежда, но не заметила, что мои волосы обрезаны. Она не дала сказать ни слова и сразу же схватила за ремень. Если бы она только знала, что я сегодня испытала, через какое унижение прошла...

Подошла к столу, открыла ящик, достала дневник, который вела много лет, и забралась с ним на кровать. Пока листала свои записи, слезы падали и падали на страницы. Куда ни глянь, одни мои страдания. Вот тут я получила ремня из-за невымытой посуды, тут измерила линейкой красно-синие синяки. Мама избивала меня бляшкой от ремня. А я так и не поняла за что. Просто в тот день она была в ярости, из-за того что Гоша, врач-гинеколог, с которым она встречалась, перевелся в столичную больницу. И сорвалась на мне.

Мне бы очень хотелось, чтобы она снова вышла замуж, родила себе другого ребенка и отцепилась от меня.

«Сегодня одноклассницы пригласили меня отметить восьмое марта. Я радовалась, как бездомная собака, которой неожиданно с неба упали кости. Надела юбку с рюшами, которые пришила наспех, блузку, и пошла к Маринке Киселевой. Если б я только знала, что они позвали меня только для того, чтобы поиздеваться... Девочки развлеклись: оторвали рюши, сделали дырки на черных копронках, нацепили на меня балахон с группой Prodigy, и покрасили пудрой мои белые волосы в фиолетовый».

– Мухина, теперь ты не белая ворона, а настоящий панк! – вспоминала я их слова.

Потом Маринка шелкнула меня на polaroid и на следующий день эту фотографию увидел весь наш класс. Оказалось, что парни поспорили с девчонками, что те сделают из меня панка. На кону стоял диск с песнями группы «Руки вверх», которому была безумно рада победительница.

В классе считали меня странной из-за того, как я одевалась. Им не нравились мои перешитые вещи, смеялись, пытались их испортить. Сколько слез было пролито из-за этого. Но потом как-то все привыкли к моей одежде и перестали обращать на меня внимание.

На одной из страничек было написано, а позже зачеркнуто:

«Завтра я позову к себе кучу подруг, мы будем пить джин тоник, ярко краситься и танцевать под Земфиру. Обсудим всех парней в школе, устроим бой подушками, а потом пойдем на ночную дискотеку в ДК и будем до утра отрываться».

По щекам снова потекли слезы. Я обняла подушку и свернулась клубком.

– Ничего этого не будет. Ни завтра, ни послезавтра... Никогда, – прошептала я. – Я никому не нужна.

Наверное, если я встану на краю огромной пропасти и крикну «Спасите меня!», эхо ответит: «Прыгай. Никто даже не заметит, что тебя больше нет».

Взяла с подоконника плеер, перемотала на любимую песню, вставила в уши наушники и легла обратно на подушку.

«Зареветь, убежать. Или дверь на замок. И молчать, и лежать. Изучать потолок. И мечтать не как все. Целовать небеса. Потолок, карусель. Полчаса, полчаса...»¹

¹ Текст песни «30 минут» группы «Тату».

Глава 3

Утром мама разбудила меня, перед тем как уйти на работу. Войдя на кухню, обнаружила на столе записку: «Чтобы к моему приходу дом был вылизан!»

– И тебе доброе утро, – вздохнула я и бросила чайный пакетик в кружку с кипятком.

В нашей квартире три комнаты. Моя маленькая коморка, в которой уместился письменный стол, шкаф и кровать. Обоев в комнате почти не было видно из-за постеров моих любимых групп: «Тату», «Звери», «Руки вверх», и стена у кровати была полностью посвящена «Земфире». Следующая комната – бывшая спальня родителей, которая вот уже много лет комната-склад, где стоит кровать заваленная коробками со старым барахлом и моими детскими игрушками. Еще там гладильная доска, пылесос, какие-то ведра. Мама перебралась в просторный зал почти сразу после развода с отцом. В теперь уже ее комнате клетчатый скрипучий диван, шкаф, трюмо с ее косметикой, и телек с DVD. Кухня у нас шестиметровая, тесная. Здесь помимо гарнитура еле уместился стол и две табуретки.

Каждый день после школы я драила полы во всей квартире, вытирала пыль, стирала белье, содой начищала кружки. А мама принимала уборку, когда приходила с работы. Если ей что-то не нравилось, то обязательно заставляла переделывать. Однажды мне пришлось четыре раза вымыть полы. Ползала с тряпкой, пока спину не свело от боли. Наверное, она наивно думала, что если вымыть деревянные доски четыре раза, то они будут выглядеть лучше.

У телефона с барабанчиком был очень длинный провод, и его можно было перенести в любую точку квартиры. А так в основном он стоял в маминной комнате. Я принесла телефон на кухонный стол, намазала булку маслом, набрала Юрке. Никто не ответил. Неужели он уже вышел в школу?

Я расстроилась. Почему он не позвонил и не договорился со мной встретиться? Или, может, как обычно ждет меня у ликёро-водочного магазина?

Только я успела прикончить завтрак, как раздался звонок в дверь. Это был Юра. Лицо бледное, глаза потухшие, волосы торчали как антенны. Он молча прошел в мою комнату и упал на расправленную кровать, свесив ноги в дырявых носках.

– Надо нам разделиться, – вздохнул друг.

– В смысле? – закидывая тетрадки в сумку, возмутилась я. – Предлагаешь ходить по раздельности?

– Им я нужен, а не ты. Если бы вчера не поплелась за мной, то тебя бы вообще не тронули. Так что в школу пойдем не вместе. И в школе не подходи ко мне, – Юрка встал с кровати и собирался уходить. Я схватила его за руку.

– Юр, теперь это наша война! – Или думаешь, Царь от меня отстанет? Нет, ошибаешься! Вспомни, как он вчера говорил, что мы оба не доживем до выпускного! Нас двоих будут трахать, как бы мы не ходили, вместе или по раздельности!

– Я поговорю с ним, чтобы тебя не трогали. Ты не виновата, – грустно промямлил Юрка.

– Ага, – закатила глаза я. – Царь так тебя и послушает! – я кинула в него сумку. Юрка не успел увернуться, и сумка угодила ему в живот. Он сморщился и, держась за живот, опустился на кровать.

– Юрка, ты чего? – испугалась я.

Он приподнял джемпер, и от увиденного я едва не потеряла дар речи.

– Обалдеть... Вот это синяки...

– Думай, прежде чем кидаться, – гаркнул он.

– Родители не видели?

– Нет. Надо постараться скрывать их. А не то мать сразу в школу побежит разбираться. А еще сегодня физкультура. Не знаю, как и выдержу.

Я сочувствовала другу. Мои отрезанные волосы казались сущей ерундой, по сравнению с тем, что с ним сделали эти уроды.

Подошла к шкафу, достала черные брюки и синюю водолазку, сбегала в ванную, переоделась. Расчесала волосы, и попыталась забрать их в пучок, чтобы не было видно мою новомодную стрижку.

– А че, новый писк моды, Муха! – смеялся Юрка. – Стрижка от Царя: вам понадобится один неудачник и одно горлышко от бутылки.

– Дурак! – засмеялась я. – Лучше дай сотню. Сегодня схожу в парикмахерскую, обкорнаюсь под каре.

– Да ну еще сотню тратить, попроси Царя, он подравняет.

Эти шутки нам не казались веселыми. Они вызывали какой-то истерический смех, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей, что нам предстоит встреча с Царем и его друзьями.

По пути в школу Юрка разрабатывал план. Мы решили, что будем держаться рядом с учителями и в людных местах. Заскочили в магазин, купил две витушки с маком. Съедем, если проголодаемся, но в столовку ни ногой. Царь там на каждой перемене ошивается, отбирает мелочь у младших классов. Если будет надвигаться опасность, то убегаем. Сваливаем из школы первыми, так как Царь всегда выходит позже, он ждет дружков из разных классов и из школы они выходят большой бандой.

– Я как раз надела старые туфли. В них удирать будет проще.

– А я кросы. А не то вчера в новых ботинках неудобно было.

Мы без препятствий вошли в школу за минуту до звонка. Наверное, Царь и его дружки уже разошлись по кабинетам. У Юрки первым уроком была геометрия на втором этаже, у меня Физика – на третьем. Он проводил меня до кабинета, и пошел в свой класс. Я скрестила пальцы и волновалась за него весь урок. Ему-то некуда от Царя деться, они хоть как встретятся в классе.

После физики в потоке учеников быстро проскочила в кабинет истории. Благо он тоже был на третьем этаже. А у бедного Юрки вторым уроком была физкультура. Из кабинета физики был хорошо виден школьный стадион. Юркин класс стоял в линию на разминке, а потом все побежали по кругу. Он был в середине, а Царь с двумя парнями из его шайки бежали в конце. Юрка бежал медленно, придерживаясь за живот. Бедняга... Я вспомнила его синяки и представила как ему больно. На втором круге с ним поравнялись Царь и его дружки. Один из них толкнул Юрку в спину, Юрка едва не упал и оленьими прыжками бросился вперед.

– Мухина! Ворон за окном на переменах считать будешь! – гаркнула истери... историчка. Я уткнулась в учебник.

На следующей перемене пришлось идти в другой конец школы на урок черчения. В это время Юркин класс возвращался с улицы. Царь, закинув руку на Юркино плечо, и сдвинув кепку на бок, шел с очень довольным лицом в сторону спортивных залов. В прошлом году он точно так же ходил по школе с Антоном, которого вытравил. И теперь вся школа узнала, что Царь нашел себе новую игрушку.

Я побоялась, что с Юркой что-то сделают в раздевалке. Хорошо, если просто запрут, а не подвешат на крючок.

В голове быстро созрел план, и я догнала историчку, которая не спеша шла к расписанию.

– Ирина Леонидовна, вы на уроке спрашивали, кто сможет сделать копии, – протараторила я.

– Что, у тебя внезапно принтер появился? – усмехнулась она.

– У Юры Фомичева из одиннадцатого «В» есть дома принтер! – врала я. – Вон он, впереди идет!

– Фомичев! – крикнула она. – Юрка и Царь обернулись. – Ко мне подойди!

Царь шепнул ему что-то на ухо, а потом убрал с его плеча руку. Юрка с поникшей физиономией шагнул к нам.

– Так, Фомичев, мне сказали, что у тебя дома принтер есть? – я стояла за спиной училки и кивала.

– Д-да... – ответил Юра.

– Держи! – она сунула ему в руки стопку бумаг. – Сделай по копии!

Мы бросились в младший блок и из-за угла наблюдали, как из коридора, ведущего в спортивные залы, выходят Юркины одноклассники.

– Вот молодец, Муха! Ничего другого не могла придумать?! – ворчал над ухом Юрка. – Где я тебе принтер высеру?

– Хотя бы спасибо сказал, что я спасла твою задницу! – обиделась я.

Из коридора послышался свист, смех, а потом вышла банда Царя с ним во главе.

– М-м-уха, у них мой р-рюкзак!

– Блин... – я стала кусать ногти и думать, как действовать дальше.

– Меня не впустят на а-алгебру в спортивной ф-форме.

– Тогда нужно выхватить!

– Че-чего? – округлил глаза Юрка. – С ума с-сошла?

– Нас так и так будут вылавливать и бить! А мы должны защищаться! – я перекинула сумку через плечо. – Жди меня здесь! – и как стрела полетела по коридору.

Царь шел вальяжной походкой, раскачивая в стороны Юркин рюкзак. Я догнала его, схватила рюкзак, обогнула развалки и проскочила в младший блок. Мы забежали в туалет, закрылись в одной из кабинок.

– Ну ты дурная, Муха, – пыхтел Юрка, быстро стягивая спортивки. Я забралась ногами на унитаз, чтобы он мог развернуться в тесной кабинке. – Ну всё... Царь теперь точно захочет тебя прихлопнуть.

– Муха быстро летает! – глубоко дыша, сказала я.

В тот момент во мне словно включилось резервное питание. От мысли, что мы тоже что-то можем, был бешеный прилив сил. Я хорошо понимала, что эта выходка мне не сойдет с рук, но...

– Юр, не хочу, чтобы нас затравили. Наша банда – это ты и я. Не сравнить со свитой Царя, но мы должны бороться! – говорила я, пока Юрка переодевался. Потом слезла с унитаза, положила руки ему на плечи и очень серьезно проговорила: – Нам нужно сделать выбор: быть униженными и оплеванными, или принять вызов. Да, скорее всего мы проиграем эту войну, но достойно! Над нами не будет смеяться вся школа и тыкать пальцами со словами слабаки и неудачники! Все бояться Царя! Вся школа! А мы войдем в историю, если попытаемся дать ему отпор!

Юрка судорожно вздохнул.

– Н-не знаю, М-муха... Еще ни у к-кого это не в-вышло...

– А мы попробуем! – хлопнув его по спине, уверенно сказала я.

Мы дождались звонка и вышли из туалета. Решили прогулять оставшиеся уроки и отправились в парикмахерскую, из которой я вышла с четким каре.

– А тебе идет такая стрижка! – восхищался друг.

– Надо будет сказать Царю спасибо, – хихикнула я.

Мы купили по мороженому, чтоб отпраздновать мое преображение и пошли в парк – единственное красивое место в нашем городе. Сели на траве и стали размышлять как будем воевать с Царем. Юрец предлагал собрать компанию людей, кто когда-то пострадал от их шайки и держаться вместе. Я сразу отмела этот вариант.

– Ты что? Они струсят! Им лучше ходить по школе мышками, чем связываться с Царем. Надо что-то другое.

Но ничего другое на ум не шло. Даже на завтрашний день не было плана. Знали одно: идем в школу и выходим из нее вместе.

– Пойду на карате, буду драться как Джеки Чан, и Царь ко мне на километр не подойдет! – мечтал Юрка, развалившись на траве.

– Угу... Булки ел и на диване валялся до одиннадцатого класса, а теперь на карате собрался, – усмехнулась я. – Надо было раньше об этом думать. Сейчас не пришлось бы прятать... – я резко замолчала, увидев, как по мостику бежит маленькая девочка и падает в пруд.

Я не раздумывая бросилась в холодную воду. Воды мне было по шею, ребенок барахтался и захлебываясь, пытался крикнуть. Я быстро плыла к тому месту, где только что скрылась голова ребенка. Юрка с берега кричал «помогите!». Нырнула, схватила мелкую за руку и подняла её вверх над своей головой. Девочка выплюнула воду и расплакалась, к нам уже подросла подмога: какой-то парень бросился в пруд, выхватил из моих рук ребенка и быстро побежал на сушу. Я вышла из воды и упала на траву.

– Молодец, Муха! Ты человека спасла! – тормошил меня Юрка.

– Отвали, – тихо сказала я, и едва не расплакалась.

Героическое чувство быстро сменилось страхом, что только что на наших глазах едва не утонул ребенок. Кучка ребят, с которыми была девочка, быстро свалили. Юрка возмущался.

– Да это же настоящий подвиг! – крикнул он, глядя на удаляющуюся компанию.

– Куплю себе медаль шоколадную! – отлепляя штаны от ног, равно сказала я.

– Вот гады! Даже спасибо не сказали!

– Ну не сказали и не сказали! – фыркнула я, а самой было обидно. Что бы с ней случилось, если бы я не подросла вовремя?

Тогда я еще не догадывалась, как этот подвиг совсем скоро изменит мою жизнь...

* * *

Нам тоже пришлось уйти из парка, так как я была промокла. Чтобы не привлекать к себе внимание, решили идти к нашим домам в обход, сначала полем, а потом по Сухонской – улице, где стояли одни деревянные дома.

– Тебя п-провожу и домой п-пойду!

– А чего опять разволновался? – сердито уставилась на Юрку. – Воины мы или нет? Смелчаки или трусы? Или ты нарочно предложил идти этой дорогой, чтобы не мимо школы?

– Ничего не нарочно, – пожал плечами друг. – И не в-волнуюсь я.

– Ага, я заметила! Заика! – я ткнула Юрку в бок.

После деревянных домов нам нужно было дойти метров двести до заброшенной швейной фабрики, и после чего свернуть в наши дворы. Сначала будет мой дом, а через пару малосеек – Юркина общага.

– Юрка, сбавь шаг, я за тобой не успеваю! – ворчала я, плетясь позади.

– В туалет хочу!

– Так сходи в кусты.

– По большому...

– А-а, – захохотала я. – От страха сейчас в штаны наложишь?

– Достала ты, понятно! Ничего не от страха!

Мы вырулили из-за швейки и замерли: прямо на нас шла компания Царя. Человек десять не меньше. Они плевались семечками, смеялись и резко замолчали, увидев нас.

– Уносим ноги! – крикнул Юрка и схватил меня за руку.

Быстро удирать не получалось – мокрые брюки облепили ноги и сковывали движения. Но крики за нашими спинами «Окружите упырей!» подгоняли так, что мама не горюй!

Мы добежали до деревянных домов. Юрка перекинул рюкзак через забор какого-то дома и прыжком очутился на заборе, протянул мне руку, я забралась, перекинул сумку, и мы спрыгнули в огород. У деревянного забора послышался топот, словно стадо быков пробежало, и крики: «Где эти уроды? Найти, найти их!»

Вот и вся наша смелость. Инстинкт самосохранения нас не спрашивал, когда мы увидели компаньшу Царя. В голову ударило одно слово: «Беги!».

Мы проползли к большому густому кустарнику, присели. Боялись даже дышать. А мое сердце колотилось так сильно, как будто оно вышло из строя.

– Туда они точно не побежали! – крикнул кто-то издалека. – Где-то здесь затаились.

Совсем рядом с забором послышались шаги.

– Хохол, перелезай, глянь там! Бритва, а ты там посмотри! – раздавал приказы Царь.

Из-за забора выглянула голова. Парень подозрительно осмотрел все вокруг, и спрыгнул обратно.

– Тут чисто!

– Фух... – выдохнула я. – Пронесло.

Послышался громкий лай собаки с соседнего участка и дикие крики:

– Укусила! Укусила!

Мы с Юркой прикрыв рты ладошками засмеялись.

– Идиоты, сами лезьте в чужие огороды! – выругался кто-то. – А если бешенство?

– У тебя-то? Так мы знаем! – загоготали парни. – Теперь и шафку заразил.

– Я серьезно, дебилы!

– Сорок уколов впаяют да и делов-то, – посмеялся кто-то.

– Я больше не могу терпеть, – шепнул Юрка. Лицо его было красное как спелый помидор.

– Терпи дурак! Уйдут и сходишь!

– Кастет, проверь еще вон там! – приказал неугомонный Царь.

– Чисто!

– Пошли отсюда, парни. Мне надо руку обработать!

– Ладно, сегодня мы вас упустили. Значит, завтра вас ждёт двойная порция наказания, – злобно проговорил Царь.

Послышался топот в сторону фабрики.

– Я сейчас обделаюсь! – сморщил губы Юрка.

– Терпи! Пусть уйдут подальше!

– Не могу!

Юрка стал пробираться кустами ближе к грядкам с картошкой.

– А если хозяин дома запалит? – шептала я.

– С-скажем, что мы волонтеры, пришли у-удобрять о-огород!

Ох и разволновался волонтер недоделанный. Присел так, чтобы я его не видела.

– Я сра-сра...

– Да молчи ты уже! – прошипела я. – Знаю я, что ты по большому уселся.

– Я сра-сразу убегу, д-дурочка!

Мы вылезли из огорода примерно через час. Успели за это время съесть почти всю малину с кустов и налопаться яблок.

До дома дошли без приключений.

Весь вечер прибирала квартиру, перед сном сделала уроки и забралась в кровать до прихода мамы. Лучше сделать вид, что сплю, чем с ней разговаривать.

Достала из под подушки дневник и записала в нем:

«Четверг, 2 сентября. Сегодня в школе я проявила смелость и спасла друга, а потом вытаскивала из пруда ребенка. А вот Юрка весь день трусил, а потом еще и обгадил чужой ого-

род! Хорошая у нас команда, ничего не скажешь! Посмотрим, как мы проживем завтрашний день...»

Глава 4

В школу шли как на войну. Юрка нёс тяжелую стопку бумаг. Тетя Оля распечатала на работе.

– Из-за тебя мне так от мамки влетело! Она историчку обругала и сказала, что пусть та сама печатает на казённом принтере.

– Сказал бы ей, что эти бумаги спасли твою задницу! – проворчала я.

Юрка нарочно запинаясь левой ногой об каждый поребрик, так сказать, на удачу. И «удача» улыбалась нам пираньей улыбкой со школьного крыльца. Царь и его дружки выстроились в линию и хищно смотрели на нас, мы – на них. Хохол, Егор Игнатюк из одиннадцатого «А», смачно плюнул и медленно вытер рот рукавом олимпийки. Кастет, Саша Фролов из одиннадцатого «Д» – крутил в руках железную цепь, а Царь смотрел то на меня, то на Юрку, как будто выбирал с кого из нас сегодня начнет свой день.

– Блин, Муха... Они т-т-очно нас п-поджидают, – Юрка опустил голову и пошел очень медленно.

– Смотри, там физрук идет! Давай за ним!

Мы подбежали к физруку и пристроились рядышком. Царь и его дружки расступились и проводили нас гневным взглядом. Проскочили в школу и быстро разбежались по классам.

Мы договорились со звонком выскакивать из кабинетов и встречаться в нашем тайном месте – туалете младшего блока.

– Смотри, какую записку он мне подбросил на географии, – Юра сунул мне смятую бумажку. Внутри был нарисован парень с очень страшным лицом и клыками, на его майке красной ручкой была нартсована кровь, на руках, держащих биты, тоже. А ниже написано: «Если свалите после уроков, закопаю!»

– Надо еще как-то продержаться один урок, – вздохнула я, и кинула записку в унитаз.

После последнего урока мы договорились встретиться на крыльце и бежать к моему дому. Я ждала Юрку на улице и нервно кусала ногти. Сейчас из школы повалит народ, и Царь с дружками. Да где он черт возьми? Может, что-то случилось? Или урок задержали? Я не находила себе места от волнения.

На улицу повалил народ. Мимо меня прошло больше половины Юркиных одноклассников, но среди них не было ни Юрки, ни Царя, и никого из его банды.

– Маш, а Юра где? – спросила его одноклассницу.

– Он дежурит, – улыбнулась она и пошла дальше.

– Только не это... – я схватилась за голову. Похоже, Юрка влип...

Зашла обратно в школу, поднялась на второй этаж и заметила у окна в конце коридора компанию Царя. Кто-то присвистнул. Кто-то засмеялся.

– А вот и наша подружка! – пропел один из них.

Я быстро прошагала к кабинету географии. Учительница сидела за столом и проверяла тетради. Юрка ставил стулья на парты, а Царь ходил со шваброй по кабинету.

– Мухина, ты чего тут забыла? – спустив очки на кончик носа, спросила географичка.

– Вот все и в сборе, – хищно улыбнулся Царь.

Юрка кивнул мне в сторону выхода. Я помотала головой. Без него не уйду!

– Можно я Юру подожду? – спросила я.

– Подожди, – пожала плечами учительница и вернулась к тетрадкам.

Пока географичка не видела, Царь ударил Юрку шваброй между лопаток. Юрка вскрикнул. Географичка подняла на них глаза. Царь закинул руку на Юркино плечо и заботливо просяскал:

– Ударился? Ну что ты какой неаккуратный! Смотри, куда идешь!

Царь, пританцовывая, перемещался по кабинету. Вдруг он сильно стукнул шваброй по полу.

– Царёв! – крикнула географичка. – Ты прибираешься, или дурью маешься?

Царь наклонился и поднял с пола дохлую муху.

– Мухи тут разлетались, Марина Евгеньевна, – Царь поднял на меня глаза и добавил: – А их нужно убивать!

Географичка взяла следующую стопку тетрадей. Царь кинул муху к моим ногам и еле слышно произнес:

– Тебе крышка!

Парни закончили уборку. Пора выходить из класса, а мои ноги словно прикрутили болтами к полу. Мы с Юркой оба понимали, что как только выйдем из кабинета, окажемся в ловушке. Царь и его свита точно пойдут за нами.

– Марина Евгеньевна, а вы еще будете работать? – спросила я.

– Кончено! – фыркнула та, не отрываясь от тетради.

Я надеялась, что мы сможем выйти с ней из кабинета, а там уже убежать. Но, увы... идти нам пришлось вдвоем.

– Кто-то сейчас будет наказан, – пропел Царь, спускаясь за нами по лестнице.

– Кто-то ответит за сорок уколов, – пропел еще один, с забинтованной рукой.

Вышли на улицу. На крыльце стоял еще один друг Царя, которого называли Бритва, так как он всегда брился наголо. Бритва в прошлом году окончил школу, ему восемнадцать, а может, и больше. Противный, прыщавый, здоровый, как бык.

– Ух ты! Кажется, мы сегодня здорово повеселимся! – сказал Бритва, глядя на нас с Юркой. Он поздоровался за руку сначала с Царем, затем со всеми остальными.

Нас обступили со всех сторон. Пятеро шли впереди, двое по бокам, и Царь сзади.

– Поворачиваем направо, друзья мои! – добрым голосом сказал Царь и положил руки на наши плечи.

Деваться было некуда и нам пришлось свернуть к гаражам. Как только от наших глаз скрылись школьные окна, нас, толкая в спину, повели вперед.

Остановились по приказу Царя. Он смачно харкнул на землю, и подошел ко мне.

– Ворона у нас осмелела? – прищурился он. – А ведь ты мне была не нужна. Только твой дружок, – он кивнул на Юрку. Снова харкнул и улыбнулся. – Ну что ж, так даже интересней.

– Не трогайте ее! Она ни в чем не виновата! – неожиданно очень смело заявил Юрка, и даже ни разу не заикнулся.

– Подруга твоя? – спросил Царь. – Ты ради нее на все пойдешь? – Юрка уверенно кивнул.

Царь подошел к Бритве, который быстро курил, дергал ногой, и с большим интересом смотрел то на меня, то на Царя, то на Юру.

– Дай-ка сюда сигу, – попросил Царь.

Бритва подал ему дымящуюся сигарету. Царь подошел к Юрке. Я напряглась, зная, что Царь не курит. Тогда для чего ему нужна сигарета?

– Держи, – по-доброму сказал Царь, протягивая сигарету Юрке.

Юрка не знал, чего от него хотят. Медленно поднес сигарету к губам.

– Э-э, не, не! – засмеялся Царь. Остальные тоже взорвались смехом.

– Какой наивный. Думает, его сюда позвали покурить, – сказал Хохол.

– Затужишь об свою руку, и я ее не трону, – Царь кивнул на сигарету. – Давай, докажи, что ты ради нее на все готов!

– Не надо Юрка! – крикнула я.

– Так-так, интересненько, интересненько... – потирая ладони, с широкой улыбкой сказал Царь. Ему явно нравилась эта игра.

Он взял у Бритвы зажигалку, схватил меня за руку, другой рукой чиркнул зажигалку и поднёс ее к моему запястью.

– Ты, или она! – ледяным тоном сказал он Юрке. – Парни, ставим ставки!

– Полтинник, что струсит! – крикнул кто-то.

– Сотка, что затушит!

– Фома, ставки поставлены. Выбор за тобой.

Сквозь слезы я видела, как дрожали Юркины руки, когда он подносил к руке сигарету. Закрыв глаза и сморщив лицо, он затушил окурок об руку и закричал от боли.

Царь отпустил меня.

– Вот молоде-е-е-ц! – похлопал ему Царь. – Смотри-ка, не соврал! И правда горой за свою ворону!

Юрка тряс рукой и быстро дул на нее. Я плакала и умоляла отпустить нас.

– Слушайте, пацаны, а вы верите в дружбу между парнем и девкой? – все ответили отрицательно. – Вот и я не верю! – Царь повернулся ко мне. – Поцелуй его! – он кивнул на Юрку. – Я замотала головой. – Целуй, или Бритва снова захочет покурить.

Поцеловать Юрку тоже самое, что поцеловать брата. Именно так я всегда к нему и относилась. Но как только представила, что об его тело снова затушат сигарету, робко пошла к нему.

Заглянула в покрасневшие от слез глаза. Встала на носочки и прислонилась губами к его холодным губам. Он даже не разомкнул их. Наверное, как и я, не смог. Но, слава богу, этот поцелуй, если его можно так назвать, прокатил.

– И-и-и-х-а-а! Как мне нравятся мои игрушки! – восторженно крикнул Царь. – Какой веселенький намечается год!

– Дай пять, братан! – смеясь, сказал Царю Бритва.

– И мне, – подхватил Хохол.

Остальные тоже подошли к Царю. В гаражах эхом отскакивали их хлопки и дикий смех.

– Теперь вы не друзья! – крикнул нам Царь. – Сегодня ваша дружба разорвана поцелуем! Да Благословит вас...

– Эй! – послышался крик на нашими спинами. – Чего тут собрались?! А ну кыш отсюда! – из зеленого гаража вышел мужчина, держа в руках железную трубу.

– Тихо, тихо отец! – выставил перед ним ладони Царь. – Мы уже уходим, – он повернулся к нам. – Увидимся завтра, друзья мои! – подмигнул он. – И смотрите там, не шалите после первого поцелуя.

Глава 5

Мы поплелись в парк. Не хотели идти по домам, пока наши мамы не уехали на работу. Сегодня они обе работают в ночную смену. По пути зашли в аптеку, купили самую дешевую мазь от ожогов и пластырь.

Юрка верещал на всю улицу, когда я аккуратно размазывала мазь, едва касаясь красного пятнышка на его руке. Когда пришли в парк, кинули рюкзак и сумку на траву, и устроились на них с витушками с маком и полтора литровой бутылкой лимонада.

Долго обсуждали произошедшее, проклинали Царя и его дружков. Пытались понять, как будем действовать дальше.

– Ну что, Муха, все еще не жалеешь, что пошла тогда за мной? – с набитым ртом спросил Юрка.

– А чего жалеть-то? – пожала плечами я и запила булку лимонадом. – Мне только на пользу: на пробежках скинула пару кило, и стрижка у меня теперь новая, – мы засмеялись.

– А у меня теперь шрам на всю жизнь останется! Как у настоящего бандита! – Юрка выставил руку с пластырем.

Да, мы искали плюсы в дерьме, в которое нас окунули. Другого выхода все равно не было. Если постоянно реветь и жаловаться на жизнь, то можно запросто слететь с катушек, или еще хуже – сделать с собой что-то непоправимое. Смех помогал на какое-то время забыть про унижения и боль.

– Царь сегодня физкультуру сорвал. Учителя запер в тренерской.

– Интересно, почему его до сих пор не выгнали? Ведь он почти каждый день срывает уроки и хамит учителям. Его не то, что из школы нужно выгнать, таким как Царь место в аду!

– Зато знаешь, какой он шаристый. Все контрольные пишет на четыре, пять. У доски любые формулы щелкает как орехи. Я бы не поверил, что он такой умный, если бы не видел своими глазами, как он отвечает у доски.

– Помнишь, у нас с вашим классом был спаренный урок геометрии? Вот тогда-то у меня глаза на лоб и полезли. Ни один из двух классов не смог решить то уравнение с косинусом. Училка тогда одного за другим к доске вызывала. Столько двоек наставила! А Царю понадобилось меньше минуты, чтобы справиться с уравнением.

– Во-во! В Царе как будто уживаются два разных человека: один – конченый придурок, а другой – всезнайка, которого спроси на любом предмете, и он ответит так, что все рты пораскрывают.

– Интересно, почему он перевелся сюда из другой школы? И неужели правда, что там был паинькой.

– Думаю все же это слухи. Вспомни, как он сегодня поднес к твоей руке зажигалку. Разве скажешь, что он когда-то был паинькой?

– Да, кстати, спасибо, что вступился за меня. А не то ожог мог бы быть на моей руке.

– Да ладно тебе. Ты же знаешь, что я не дам тебя в обиду. Никому.

Сегодня я посмотрела на Юрку другими глазами. Я всегда считала его трусливым, и подумать не могла, что он сможет за меня вступить. Честно, когда Царь поставил его перед выбором, я подумала, что Юрка не сможет сделать себе больно, и уже приготовилась почувствовать как моя кожа будет плавиться. Но он не позволил им это сделать. За что я была ему очень благодарна.

– Юр... А тебе не противно было, ну это... ну...

– Целоваться?

– Угу.

– Нет.

- А ты вообще когда-нибудь целовался?
- С кем, Муха? Ты же знаешь, что у меня никого не было.
- Ну а с помидором-то, небось, целовался? – Юрка поперхнулся газировкой, и она полилась у него из носа. Я захохотала на весь парк.
- Чего? – он вытаращил на меня огромные глаза.
- А что тут такого? Мне кажется, все на помидорах учились.
- Я – нет!
- Ой, да не выдумывай хоть, – усмехнулась я и забрала у него бутылку.
- Ну и не верь! – закатил глаза Юрка, и откусил большой кусок витушки.

Я не стала продолжать тему с нашим поцелуем и не призналась ему, что даже, несмотря на то, в каких условиях мы поцеловались, мне понравилось. Я впервые почувствовала губами чьи-то губы. И сейчас, отойдя от шока, я понимаю, что раз за разом возвращаюсь к мысли, что мне было мало. Как будто тебе дали попробовать что-то очень вкусное, но лишь маленький кусочек, и ты даже не успел распробовать его на вкус, и тебе хотелось еще, и еще, и еще. А как будет, если раскрыть губы? А если с языком? Это вообще приятно чувствовать чужой язык? Наверное, что-то подобное испытывает шарик мороженого.

Лежала на траве и смотрела как Юрка чавкает, рыгает от газировки, и думала: а что, если мы будем встречаться? Мы всё друг о друге знаем, наши мамы дружат, я могу доверить ему любую тайну, и теперь я знаю, что он способен меня защитить. Еще мне с ним весело, и у нас много общих интересов. Мы никогда не ругаемся, когда решаем что посмотреть или какую музыку послушать. Юрке всегда нравилось как я перешивала одежду, и он никогда не считал меня странной. Поэтому с ним я могу носить все, что мне вздумается, и ему это тоже будет нравиться. А еще за это лето Юрка изменился, повзрослел и вытянулся, даже черты лица стали грубее, а тело – мужественнее. И наплевать, что у него почти всегда дырявые носки и он часто рыгает, даже за столом. Если бы я с ним только-только познакомилась, то я бы могла влюбиться в его красивые зеленые глаза, а потом и в него всего.

Наверное, в тот вечер стоило поговорить с ним об этом, но я не решилась. И очень скоро об этом пожалела...

Из парка вышли только к вечеру. Наши мамы уже уехали на работу, и я попросила Юрку сегодня остаться у меня. Заскочили к нему, он собирал учебники на завтра, а я под громкий храп его отца шарила по полкам, на которых стояли коробки с DVD дисками, и искала что-нибудь, с чем мы сможем скоротать вечер.

- О! Давай «Титаник» посмотрим!
 - Фу, это девчачья тема. Найди «Бригаду».
- Я нашла коробку с диском и чмокнула Космоса.
- Обожаю тебя! – проговорила любимому герою фильма. Юрка покрутил пальцем у виска.
 - Саня Белый намного круче! – сказал он.
 - Как хомяка назвал? – я бросила взгляд на клетку, в которой сидел толстый зверек и испуганно смотрел на меня глазами бусинками.
 - Да никак. Просто Хома.
 - Тебе летом купили, а он до сих пор без имени? – возмутилась я. – Давай назовем его... – я взглянула на коробку с диском, которую держала в руках. – Пчела! О, точно, Пчела! – засмеялась я.
 - Угу... Хомяк Пчела. Отлично! – надевая спортивки, бормотал Юрка. – А что не хомяк Крокодил? А может, назвать его Бегемот? Или Носорог?
 - Я подошла к клетке, внимательно смотрела на хомяка.
 - Носорог, иди ко мне, Носорог! Не Юрка, Носорог точно не катит. Посмотри как он быстро бегает, перемещается по клетке, как будто летает! Он точно Пчела.

– Смешная ты Муха, – друг закинул руку на мое плечо. – Раз ты Муха, то пусть он будет Пчёла. Уболтала!

Мы собрали пивные бутылки его отца. Получилось два больших пакета. Сдали их в ларёк и на вырученные деньги купили чипсов, арахиса, и мармелад.

Весь вечер смотрели «Бригаду» в маминной комнате. Юрка, вдохновившись фильмом, надел черный плащ моей мамы, солнечные очки, и с очень важным видом выхаживал по комнате изображая Космоса.

– Такая тачка только у меня и у Майкла Джексона!

Я хохотала на всю квартиру, пока соседи не постучали по батарее.

О Цареве не вспоминали. Нам так было хорошо и беззаботно, что мы решили представить, что его просто не существует.

Так и улеглись спать на мамином диване, который бал весь в крошках. Юрка сразу вырубился, а я записала в дневник все, что сегодня произошло, затем накатала шпаргалок для контрольной по экономике и забралась в кровать, обняв Юрку.

* * *

Утром встали пораньше, чтобы успеть прибраться. Я пылесосила пол и кровать в маминной комнате, а Юрка мыл посуду. А как только пришла пора выходить в школу, мы оба помрачнели.

– Ну что, Муха, в тыл врага? – судорожно вздохнул друг.

– Идем! – хлопнула его по плечу я, и первая вышла из квартиры.

Как обычно условились встречаться на каждой перемене в младшем блоке. Нам нужно было продержаться еще два дня до выходного.

На экономике заработала двойку. Училка заметила у меня шпору и вытащила ее из рукава водолазки. В контрольной я написала полный бред. Конечно, вчера мне было не до пустяков. Какое там готовиться к контрольной, когда тебе угрожают прижать руку и заставляют целоваться с другом.

– Людка! – услышала я, когда вышла из кабинета.

Увидев Юрку, подумала, почему он здесь, а не в нашем тайном месте?

– Короче, Муха, сегодня Царь нас не тронет.

– С чего бы вдруг? – удивилась я.

– Его мать вызвали в школу из-за того, что он вчера сорвал физкультуру. Сейчас они вместе пошли к директорисе.

– Надеюсь, ему хорошо влетит.

– Даже не сомневайся! Физрук очень злой на него. Я слышал, как он говорил нашей классной, что будет требовать, чтобы Царева отчислили.

Я даже взвизгнула от радости.

– Хоть бы физрук настоял на своем! Юрка, давай скрестим пальцы!

И со скрещенными пальцами мы пошла в столовку. Мы оба знали, что дружки Царя к нам не прицепятся без него. Разве что толкнут в коридоре, или косо посмотрят. Поэтому шагали в столовую смело, чтобы отметить нашу маленькую победу.

– А помнишь, как раньше мы брали одну порцию на двоих, чтобы сэкономить денег, а потом тратили их на всякую ерунду, – улыбнулась я.

– Ага, – ковыряя ложкой котлету, вздохнул друг. – Еще в прошлом году все было совсем по-другому... Хочется вернуться в первое сентября и прожить этот день заново. Тогда Царь нашел бы себе нового объекта для издевательств.

– Что сделано, то сделано, – я отодвинула тарелку с холодными макаронами, пересела на скамейку к Юрке и взяла его за руку. – Прошлое нам не изменить, но зато мы можем повлиять

на будущее, если в настоящем будем держаться вместе. Друг за друга горой, – подбодрила я Юрку.

Юрка сомкнул ладони и поднес их к губам.

– Хоть бы его отчислили, хоть бы его отчислили, – закрыв глаза, шептал он.

До урока оставалось пятнадцать минут. Из столовки мы свернули в коридор, ведущий к лестнице на второй этаж, где располагалась библиотека. Пожалуй, здесь самое тихое место в школе. А на первом этаже, прямо под нами был кабинет директора. Его было видно с балкона, на котором мы и устроились. Я зубрила историю, чтобы не завалить предстоящую самостоятельную. А Юрка присел на корточки и перекатывал с ГДЗ домашку по алгебре.

Я вздрогнула от громкого крика.

– А ну все разошлись по кабинетам!

Мы с Юркой выглянули с балкона и увидели физрука, который быстро шел по коридору и кричал на каждого, кто попадался ему на пути.

– Чего это с ним? – прошептала я.

– Похоже, он вышел из кабинета директора.

– Такое ощущение, что не Царь урок сорвал, а физрук, и ему за это хорошо влетело, – прошептала я, увидев, как Петр Борисович резко снял с шеи веревку со свистком и быстрыми шагами направился к спортивным залам.

Из кабинета директора вышла женщина в строгом брючном костюме.

– Мать Царя, – шепнул Юрка.

Прежде я ее не видела, лишь слышала от Юрки, что ее вызывали в школу.

Женщина, скрестив на груди руки, мерила шагами коридор.

Дверь кабинета снова открылась, и оттуда вышел Царь. Закинув на плечо рюкзак, он прошагал мимо матери.

– Максим! – крикнула она. Царь остановился. – Чего ты этим добиваешься? Разве мы к этому шли долгие годы? Разве такого результата я от тебя ожидала?

Царь развернулся и, наверное, впервые за два года я увидела его совсем другим: сам бледный, взгляд потухший. Ни одна его черта лица не напоминала прежнего дерзкого парня, с хищной улыбкой и игривым взглядом.

– Лучше быть таким, какой я есть сейчас, чем жить в аду, – едва слышно проговорил он, глядя на мать пронзительно и горько.

– Да ты мне сам спасибо скажешь, когда у тебя будет хорошее образование и достойная работа! – прокричала она. Что тебе даст отец? С тех пор, как ты к нему переехал, становишься хуже и хуже! Мне, да с моей-то должностью, приходится бегать к директору твоей школы и выслушивать о твоём поведении! Ты представляешь какой это позор для меня? Сейчас драки в школе, срывы уроков, а потом что, пойдешь по стопам отца и загремишь в тюрьму? – мать подошла к Царю, который все это время молча слушал ее, расправила на нем синюю спортивную куртку, поправила взъерошенные волосы.

– Максим, еще не поздно все исправить. Ты же знаешь, что я всегда хотела как лучше для тебя. Вспомни, каким ты был умным мальчиком, каким послушным, – теплым голосом сказала женщина. – Да, я виновата перед тобой. И даю слово, что если ты вернешься домой, то у нас все будет по-другому. Я не хочу, чтобы ты сломал свою жизнь, сынок.

– Поздно мама, – холодно ответил Царь. – Ты начала ломать ее, как только я научился разговаривать. А теперь, без твоего разрешения, я буду таким, каким мне хочется быть!

Царь закинул рюкзак на плечо, развернулся и пошел по коридору.

– Ты об этом пожалеешь! – крикнул ему в след женщина.

Прозвенел звонок. Мы с Юркой бросились вниз и разбежались по кабинетам.

Во время самостоятельной по истории в мою голову забирались разные вопросы: кто его мать? Почему физрук вышел от директрисы таким разъяренным? Почему Царь переехал к отцу? И вообще, кто же он все-таки такой этот Максим Царев?..

Глава 6

Неделя прошла на ура! Нас никто не трогал. За это спасибо доблестной милиции: на прошлых выходных компашка Царя стащила из магазина пиво. Их поймали, отвезли в участок и сделали предупреждение, что если еще раз на чем-то попадутся, то их поставят на учет. Теперь ходили по школе смирные, никого не задирали. Изредка отпускали в наш адрес какие-то шутки. Или могли толкнуть в толпе. Мы с Юркой все равно старались убегать из школы первыми и не шатались вечером по району.

На улице похолодало, и стало очень красиво: листья на деревьях пожелтели, дорожки были усыпаны ими. Вот за что я люблю осень! Она на пару месяцев приносит ярких красок в наш серый город и, кажется, люди становятся немного добрее.

И в мою комнату осень принесла яркие краски: в окно упирались ветки большого клена, а во время дождя красно-желтые листья прилипали к стеклу, как снежинки, которые я вырезала, когда была маленькой, и клеила их на стекло.

Сегодня решила утеплиться: надела легкую серую курточку, которую мне в том году купила бабуля, и осенние замшевые ботинки. На правом вместо язычка на молнии висела булавка. Язычок сломался прошлой осенью, после чего я тратила кучу времени, чтобы расстегнуть и застегнуть молнию. А мама все никак не могла отнести ботинок в ремонт. Вот мне и пришла идея прикрепить булавку, чтобы долго не возиться.

– Ну что, спорим, что он и сегодня будет как шелковый? – я протянула руку Юрке.

– Ты и так разбогатела на его доброте. Я тебе уже полтинник проспорил!

– А потому что трусишь! Постоянно думаешь, что он к нам прицепится.

– Ага, вот тебе бы руку прижгли чинариком, и ногами по животу пинали, я бы послушал, как ты заговорила, – обиделся Юрка.

– Только плохое и помнишь, – фыркнула я и убрала руку в карман.

– Ну, целоваться под приказом тоже было как-то не очень, если ты об этом.

Я промолчала. Не стала говорить, что мы сто раз оставались наедине, но он не пожелал повторить это.

* * *

Первым уроком был русский. Нас выпустили из кабинета только в конце перемены, так как за урок не успели пройти новую тему. А потом пришлось быстро бежать в спортзал на физкультуру. И только после второго урока я пошла искать Юрку.

В коридоре меня выловил Царь, обнял за талию и так шел со мной до столовки. За нами шли его дружки и посмеивались.

– Фома не приревнует? – шепнул он мне на ухо. – Кстати, как прошла ночь после первого поцелуя? Предохранялись?

Я шла молча, скрестив на груди руки.

– А где он кстати? Что-то я давненько его не видел... Может, его где-то заперли и он горько плачет «Помогите, спасите, кто-нибудь...»

Я резко остановилась.

– Где он? Где ты его запер? – крикнула я, и скинула с себя его руку.

Царь смотрел на меня очень сосредоточено, как будто о чем-то размышлял, затем улыбнулся чему-то своему, коснулся кончиков моих волос.

– Теперь мне нравится твоя прическа, – и в следующую секунду его губы оказались у моего уха, – Во-ро-на.

– Где Юра? – злобно проговорила я.

– Поищи. А я буду тебе говорить горячо или холодно.

Я побежала обратно в коридор, увидела парня из Юркиного класса и поспешила к нему.

– Какой у вас будет урок? Юрка в кабинете? – парень задумался.

– После первого урока пропал куда-то. На химии его уже не было.

– Вот уроды!

– Кто? – нахмурился парень.

Ничего не объяснив, побежала в туалет младшего блока, подумав, что он мог там спрятаться. Но я ошиблась. А когда вернулась в холл, там меня ждала компашка Царя.

– Холодно, муха, холодно, – широко улыбался Царь.

Я побежала к актовому залу, подумав, что Юрку могли спрятать там.

– Холодно! Очень холодно! – раздался его крик.

Я остановилась на пару секунд, подумала, что он просто сбивает меня с верного пути и побежала дальше. Дернула за ручку. Актовый зал был закрыт. Пошла обратно. Царь стоял облокотившись на подоконник и с довольным видом наблюдал за моими метаниями. Я направилась в сторону раздевалок.

– Эй, Мухина, смотри!

Я обернулась. Царь внимательно смотрел на муху, которая летала возле окна. Замер на несколько секунд, а затем резко хлопнул по ней, аж стекло задрожало. Взял дохлую муху в руки и подошел ко мне.

– Съешь ее, и я расскажу, где твой дружок, – он вытянул ко мне руку с мухой.

За его спиной выстроились его дружки. Они смеялись и спорили между собой, съем, или нет.

– Ешь ее сам! – процедила сквозь зубы я. Царь заключил муху в кулак.

– Ай, ай, ай... – помотал он головой. – Что ж... Ты сделала свой выбор! – он снял рюкзак с плеча и вытащил из него черные брюки. – Узнаешь? – спросил он.

У меня не было сомнений, что это Юркины брюки: я ему их подгибала и сразу узнала кривоватые швы. В голову забралась страшная мысль: сейчас Юрка где-то заперт, да еще и раздетый. А может, и избитый?

Я попробовала выхватить брюки, но Царь бросил их одному из своих дружков, а сам подошел ко мне вплотную, так близко, что я чувствовала на своем лице его дыхание с запахом мятной жвачки. Он взял мою руку и положил в ладонь дохлую муху.

– Пусть она напоминает тебе, что я делаю с теми, кто много жужжит!

Прозвенел звонок и они отправились по кабинетам.

Вместо геометрии я оббежала всю школу. Проверила все мужские и женские туалеты, заглянула под лестницы и в спортивные раздевалки. Но Юркин след простыл. Я понятия не имела где его заперли. Брела по коридору в полном отчаянии и сильно расстроилась из-за друга. Как вдруг откуда-то послышался голос.

– Люська! Мухина! – я закрутила головой по сторонам. Чисто. Откуда голос?

– Юрка? – тихо спросила я.

– Иди к запасному выходу.

Да как же я сама не додумалась там проверить?! – хлопнула себя по лбу и побежала к двери.

Дверь запасного выхода всегда была закрыта на большую железную задвижку. А там тамбур, и еще одна дверь, ведущая на улицу.

Отодвинула задвижку, открыла дверь и облегченно вздохнула, глядя на Юрку. Он стоял в рубашке, трусах, носках, ботинках, и слава богу, целый и невредимый.

– Закрывай скорее! – гаркнул друг, и затащил меня вовнутрь.

– Блин, Юрка, как так вышло?

– П-поймали меня по-о-сле алгебры и с-сюда затащили. Велели штаны снять... Их с собой за-а-брали а меня заперли тут. А я и постучать не мог, бо-боялся, что в таком виде м-меня вся школа засмеёт! Хорошо хоть тебя увидел в замочную скважину, – вздохнул он и запустил пальцы в волосы. – Я так б-больше не могу... Надо что-то делать! Надо что-то придумать, Муха! Или я прошу мать перевести м-меня в другую школу!

– Ага, умный какой! – возмутилась я. – А меня тут одну оставишь? Моя мать и слушать не станет о другой школе.

– А что п-предлагаешь, по школе голым разгуливать? Муха, м-мы только первый месяц отучились, в-впереди еще целый г-год! – казалось еще чуть-чуть и из Юркиных глаз вырвутся слезы.

– Ладно, без паники, сейчас что-нибудь придумаем, – я выдернула из пакета красные физкультурные штаны. – Держи!

– Ты че, они ж девчачьи! – фыркнул Юрка.

– Тогда иди в трусах! – я стала запихивать штаны обратно, но Юрка выдернул их из рук.

– Ладно, давай... – буркнул он и напялил мои спортивные.

Они ему были коротки, тесноваты, и очень смешно смотрелись с его классическими ботинками. Я не сдержалась и из моего рта вырвался смешок.

– Тебе еще бабочку на шею, и смело можно в цирке выступать.

– Весело тебе? – Юрка был злой и красный как штаны.

Я вышла первая. Прошла до входной двери. На горизонте мелькала только уборщица. Вернулась к Юрке.

– Идем! Все чисто!

Добежали до Юркиного дома, там он переоделся в свои серые спортивные, и мы отправились ко мне. Всю дорогу Юрка громко ругался и твердил, что он больше так не может и мечтает учиться в другой школе. Я успокаивала его, обещала, что мы обязательно что-нибудь придумаем. Главное не сдаваться и держаться вместе.

Моя мама была дома. Готовила обед и параллельно смотрела какой-то фильм по маленькому телику на кухне. На удивление она была сегодня очень доброй. Сказала, что прибралась в моей комнате, расставила на полках книги, погладила мои вещи и развесила их в моём шкафу. Пригласила нас за стол, поставила тарелки с борщом и села вместе с нами обедать.

– Ну что, как сегодня прошел ваш день? – я чуть не поперхнулась. Она этот вопрос не задавала с начальной школы.

– Нормально, – пожал плечами Юрка.

«Нормально» – повторила про себя я, вспомнив, как он стоял в тамбуре без штанов.

– А у тебя? – улыбнулась она.

– Тоже, – ровно ответила я и принялась дуть на горячий борщ.

Мама многозначительно помолчала, обиженно глядя на меня. Наверное, ей хотелось поговорить, услышать от меня что-нибудь интересное. Но поезд давно ушел. И след его простыл. Мне всегда казалось, что разговаривать с мамой по душам и пытаться вести диалог с фонарным столбом – одно и то же. Хотя... со столбом, пожалуй, болтать будет куда приятнее, чем с ней. Он не будет перебивать и постоянно акцентировать внимание на себе, как это зачастую делает мама.

Зазвонил телефон и она так резко схватила трубку, как будто от этого звонка зависела ее жизнь.

– Привет, привет! – заулыбалась она. – Подожди минуточку, – размотав провод, она пошла с телефоном в свою комнату и закрыла дверь.

– Чё это на нее нашло? – удивился Юрка.

– Фея добра укусила! – усмехнулась я.

– Я ее никогда такой не ви...

– Цыц! – шепнула я, и вышла из стола.

Подошла к маминной комнате и прислонилась ухом к двери.

– Сегодня? Да, выходной. А что, хочешь на свидание пригласить? – ангельским голосом промурлыкала мама.

Я вернулась за стол.

– У мамы новый ухажер. Понятно теперь, почему мы такие хорошие! – Я бросила ложку в борщ, он расплескался, и белая скатерть тут же стала в розовую крапинку.

– Ты чего, Муха? Ешь, вкусно же!

– Аппетит что-то пропал...

Юрка быстро прикончил обед, и мы пошли в мою комнату. Он плюхнулся на кровать, положив руки на живот.

– Ух, хорошо-о! – протянул он с довольным лицом. – И чего ты такая хмурая? Подумай, ухажер.

– А ты не догадываешься? – съязвила я. – Юрка помотал головой. – Вот сейчас она добрая, сюси-пуси, а как только этот ухажер её бросит, так опять на меня весь яд спустит!

– А вдруг не бросит, и она останется такой доброй навсегда?

– Ах, если бы... – вздохнула я.

Позже мы вышли во двор. Сели на турниках с семечками и уже даже не строили никаких планов, и не думали, как пережить завтрашний день. Все равно что-то может пойти не по плану, например, как сегодня. Стоило нам немного расслабиться и перестать прятаться, как Царь дал о себе знать.

А еще меня очень тревожили Юркины слова о переходе в другую школу. Если Царь ему еще что-то сделает, то он точно сорвется и я останусь одна на поле боя.

– Юр, поклянись, что ты никогда меня не бросишь! – я взяла его за руку.

Юрка сплюнул шелуху, вздохнул, накрыл своей рукой мою руку и неохотно ответил:

– Клянусь.

– А я клянусь, что никогда не брошу тебя!

Совсем скоро я вспомню нашу клятву и пойму, что она и гроша ломаного не стоила...

Глава 7

– Ты все запомнила? – я кивнула. – Тогда расходимся по домам и сразу за дело!

Как и договорились, когда я вошла домой, сразу проскочила в туалет, просидела там минут десять, потом отправилась в свою комнату, легла на кровать и свернулась клубочком, держась за живот.

Мама зашла ко мне только спустя час, с бигудями на голове, в каком-то новом платье с желтыми цветами, и с очень ярким макияжем.

– Люсь, ты чего спать-то улеглась? Еще же рано.

– Плохо мне, – вымолвила я. За час я успела хорошо вжиться в роль больной.

– Живот, голова? Что болит? – она присела рядом.

– Тошнит и живот крутит, – я потрудилась сделать очень страдальческое лицо.

Мама закатила накрашенные глаза и тяжело вздохнула. Было видно как она недовольна тем, что я «заболела».

– Суп у меня свежий... Может, в школе что-то съела?

– Мы с Юркой покупали по пирожку с котлетой. Ему тоже плохо стало.

– Чем они там детей кормят? Протухшими котлетами? – возмутилась она. А я еще сильнее свернулась и сморщила лицо, притворяясь, что у меня очень сильно прихватило живот. – Сейчас принесу таблетки.

Через минуту мама вернулась с четырьмя таблетками активированного угля и стаканом воды.

– Я сейчас уйду ненадолго. Если станет хуже, постучись к соседке, может, у нее есть что-нибудь от отравления.

Ну, конечно, когда торопишься на свидание, то таблетки и соседки начинают творить чудеса. От всех болезней вылечат! Да ладно, пусть уходит на свое свидание. Мне не нужно, чтобы она со мной возилась. У нас с Юркой другая цель.

Как только мама закрыла за собой дверь, я соскочила с кровати и побежала к телефону.

– Алло, – шепнул Юрка.

– Ну что, прокатило?

– Ага. Мама сказала, что завтра дежурного врача вызовет.

– Круто! – радостно крикнула я. – Моя ушла на свидание. Когда придет, скажу, что мне еще хуже стало. Так что и мне, наверное, вызовет врача.

* * *

Неделя пролетела как один день. Нам с Юркой ни разу не удалось встретиться, тетя Оля взяла на работе больничный и всю неделю сидела с «больным». Лечила его от несуществующего отравления. А я сходила с ума от безделья. Когда мамы не было дома, пересматривала любимые фильмы, играла на приставке, изредка садилась за учебники, чтобы вникнуть в те темы, которые проходил наш класс. Как мне нравилось ложиться спать с мыслью, что завтра нам с Юркой не угрожает опасность, что никто с нас не стянет штаны, и не поведут в гаражи. Но больничный закончился и нам снова пришлось вернуться в школу. А там нас ждала приятная новость: оказывается, на школьной дискотеке Царёв сцепился с парнем из десятого класса. Видимо, пока нас не было, он нашел себе новую жертву. Тому парню сильно досталось: синяк под глазом и сломана рука. Говорят, что родители десятиклассника устроили такие разборки, что теперь Царю грозит исключение из школы за любую оплошность. И мы снова задались

вопросом: почему только «грозит» а не отчислили? Если бы на его месте был кто-то другой, то давно бы уже выгнали из школы.

Мы с Юркой пришли к выводу, что директриса либо дружит с его матерью, либо его мать имеет над директрисой сильное влияние. Иначе быть не может. Юрка попытался вынюхать у одноклассников, кем работает мать Царя, но о его семье никто ничего не знал.

Сейчас директриса следить за Царем почти на каждой перемене, приходит в столовую, когда он там. Юрка сказал, что она и на нескольких уроках присутствовала.

Мы все равно передвигались по школе очень осторожно, старались не маячить возле его компании и убегать из школы со звонком. Мы оба знали, что как только директриса ослабит контроль над Царем, он снова примется за нас.

Я с трудом написала контрольные за четверть. Еле-еле вытянула на тройки по нескольким предметам, а по истории написала на «два». Подучила, переписала контрольную, и написала доклад по теме «Февральская революция в России». И с горем пополам вытянула на тройку.

А вот Юрка хорошо справился контрольными. В основном написал на четверки. В отличие от меня он готовился пока сидел на больничном. Вообще он неплохо шарит в алгебре и геометрии, когда посидит над учебниками. В прошлые годы по этим предметам у него были хорошие оценки, он всегда разжевывал мне новые темы и помогал с уроками. И если бы в этом году его голова не была занята планом выживания в школе, то он мог бы закончить школу с хорошим аттестатом.

На днях бабушка прислала деньги мне на новую зимнюю куртку, и я с нетерпением ждала выходные, чтобы отправиться с мамой на рынок. Наконец-то я избавлюсь от старой дубленки, и этой зимой мне не будет стыдно ходить в ней школу. Хочу яркую куртку, может, красную, или желтую.

Маму в последнее время видела очень редко. Она приходила поздно, когда я уже спала. Все время проводила со своим новым ухажером. Как-то раз слышала, как она по телефону рассказывала подруге, что он у нее такой завидный мужчина, подарками одаривает, то браслетик, то сережки. В ее комнате каждую неделю стоят свежие цветы. И за последние дни она ни разу на меня не прикрикнула. Ее перестала волновать невымытая посуда, грязные полы. Спасибо доброму дяде за то, что подарил мне это счастливое время. Кажется, моя жизнь начала налаживаться. Остается только молиться, чтобы он ее не бросил.

Как-то ночью я проснулась от громкого хлопка, и ничего не понимая спросонок, побрела в ее комнату, но притормозила у двери, услышав музыку и мамино хихиканье.

– Тише, Людка же дома, – промурлыкала мама.

Включив свет в прихожей увидела на крючке мужскую синюю куртку и ботинки, размера сорок последнего. Похоже, мамин Жорик появился в гости.

В ту ночь я уснула с рассветом. Они без конца бродили по квартире, то в туалет, то на кухню, громко шептались, на кухне звенели стаканы, стучал нож по разделочной доске, раздался еще один хлопок. Видимо, пошла еще одна бутылочка шампанского.

Когда я проснулась от будильника, в прихожей уже не было одежды Жоры. Зато на кухонном столе стояли пустые бутылки из под шампанского и наполовину пустая коробка шоколадных конфет. В нашем доме очень редко бывали сладости, в основном по праздникам, поэтому я с жадностью набросилась на конфеты и съела почти все. А оставшиеся три конфетки надкусила, чтобы посмотреть какая в них начинка. Круглая была с орехами, моя любимая, и ее я отправила себе в рот. А оставшиеся две закрыла в коробке.

Мама проснулась, когда я завтракала. Видок у нее был ужасный: глаза узкие, как у китайца, лицо заплывшее, и от нее очень сильно несло алкоголем.

– Люд, сделай мне кофе, пожалуйста, – мама опустила на табуретку, и принялась масировать виски.

– У тебя вчера были гости? – спросила я, наливая кипятка в чашку.

– Ага, – зевнула мама. – Тетя Света приходила. Посидели недолго.

– М-м-м... – я взглянула на пустые бутылки.

Она что, держит меня за дурочку? Она скрывает что у нее был мужчина, так как еще несколько лет назад она таскала в наш дом едва ли не каждого первого встречного. Пыталась как можно быстрее устроить свою личную жизнь. Один из таких гостей ночью обчистил нашу квартиру, украл мои серебряные серьги, и почти все мамины украшения. Тогда я очень сильно рассердилась и все рассказала бабуле. Она устроила маме ТАКОЙ разбор полетов, после чего мама пообещала ей встречаться со своими ухажерами только на стороне. Но все равно приводила их в наш дом по ночам.

Я поставила перед ней чашку с ароматным черным кофе и села напротив.

– Ох, бедная тетя Света, – как бы невзначай сказала я, и откусила булку с маслом.

– Почему? – нахмурилась мама.

– Ну как же, мам, представляешь, каких трудов ей стоит, чтобы найти обувь такого большого размера.

Мама поперхнулась и закашлялась. А я допила чай и с улыбкой пошла в комнату собирать сумку. Пусть она знает, что я уже не маленькая девочка и не верю в сказки про ночных подруг.

* * *

– Слушай, а ты не хочешь к бабушке съездить на осенние каникулы?

– Можно, – пожала плечами я и сунула ноги в сапоги. – Только в выходные съездим на рынок за курточкой.

– Ой, Люд... Куртку пока не купим. Мне пришлось потратить деньги на продукты, – виновато проговорила она.

Меня это привело в бешенство. Ведь бабушка выслала денег МНЕ на куртку, а не на продукты.

– Отлично! Как всегда! – с глубокой обидой крикнула я. – На себя деньги есть, а то, что я зимой буду ходить как нищенка в старой дубленке, тебя совсем не волнует! – в моих глазах застыли слезы. Я так мечтала о новой куртке.

– Возьми да перешей что-нибудь! У тебя очень хорошо получается превращать старые вещи в новые. Вон, можешь взять мех от капюшона моей куртки и пришить на воротник своей дубленки.

– Конечно, мам, – шмыгнула носом я. – А следующей зимой я оторву мех, и будем считать, что у меня СНОВА НОВАЯ ДУБЛЕНКА! – прокричала я, и выбежала из квартиры, хлопнув дверью.

Во мне кипела обида пока я шла к супермаркету, у которого обычно встречаемся с Юркой. За что она так меня ненавидит? Я же не прошу у нее покупать мне что-то дорогое и супер модное, например, джинсовые клеши или ботинки на высокой платформе. Мне просто осточертело ходить в старье! С тех пор, как я перешила мамин платок в юбку, она решила, что в новых вещах я больше не нуждаюсь. Очень удобно устроилась! Отдавала мне свои старые юбки, платья, чтобы я сшила из них что-нибудь «новенькое» а сама только и делала, что обновляла свой гардероб на алименты от отца и бабушкину пенсию.

* * *

Сегодня в школе проходил праздник осени. Его по традиции устраивали перед осенними каникулами. Мы сидели в актовом зале на третьем ряду, а прямо за нами расположилась компания Царя. Юрке пару раз ударили в спину, меня – дернули за волосы и пожужжали над ухом.

– И в конце нашего праздника наша дорогая Ирина Борисовна выступит с прощальной речью, – объявила в микрофон завуч.

Директриса вышла на сцену. Я зевала во всю варежку. Терпеть не могла эти прощальные речи, как будто не на недельку расстаемся, а навсегда.

– Дорогие коллеги и ученики! Мне очень сложно далось это решение, но, все же, я его приняла: я ухожу с должности директора! – Мой рот так и остался открытым. Юрка поперхнулся и закашлял на весь зал.

– Как жаль, Ирина Борисовна, – раздался голос Царя за нашими спинами. – Нам так будет вас не хватать! – иронично говорил он.

Директриса натянуто улыбнулась и продолжила трогательную речь, как ей дорога стала школа за пять лет и как она всех нас любит.

– А теперь хочу представить вам нового директора школы, – она подозвала девушку в строгом черном платье и с выражением лица, как у трусливого зайчонка. – Молодая, но очень перспективная Юлия Викторовна!

Я уронила голову в ладони. Это финиш! Если Ирина Борисовна хоть как-то могла держать Царя в ежовых рукавицах, то эта молодая особа ему точно будет по зубам. И Царь уже это понял. Как только новая директриса закончила пищать в микрофон, губы Царя оказались возле моего уха.

– Друзья мои, ну наконец-то! Наконец-то мы снова будем весело проводить время, – весело сказал он и похлопал нас по плечам. – Игра только начинается!

Глава 8

Мы с Юркой первыми выскочили из актового зала и пулями полетели домой, чтобы Царь на радостях не начал свою игру прямо сейчас.

Новость об уходе директрисы испортила нам хороший настрой на каникулы.

В тот день мы с Юркой зависали у него и ломали голову над тем, как будем выживать после каникул. Но ничего разумного на ум не пришло. Юрка снова завел разговор о смене школы, но дал слово, что без меня не уйдет. И мы договорились, что сначала я поговорю с мамой, и если мне получится ее уговорить, то он поговорит со своей.

И следующим утром у меня как раз появилась отличная возможность завести с мамой этот нелегкий разговор.

Она проснулась в приподнятом настроении, кружилась по квартире и порхала как мотылек. На удивление, она даже забыла попросить у меня дневник с оценками за четверть. И я почему-то была уверена, что если б она увидела там девять троек, то ничего бы не сказала, а еще и погладила по голове. Уж слишком странно она вела себя в последнее время. Я пришла к ней в комнату, села на диван. Мама красилась у своего туалетного столика.

– Мам, я хочу перейти в другую школу! – я решила не заходить издали, а перейти сразу к делу. Она, малюя губы красной помадой, равнодушно спросила.

– А чем эта не устраивает?

– Просто... Мне тяжело там, и...

– Ну, милая моя, – усмехнулась она и принялась снимать бигуди. – А где сейчас легко? Вон, у меня на работе, рожают одна за другой каждую смену, но я ведь не жалею, что к концу смены с ног валюсь! – она повертела головой, запустила пальцы под волосы и навела на голове пышноту.

– Надо мной один парень издевается. Я не хочу туда возвращаться после каникул.

– Хм... Ну, бегают за тобой мальчишка, заигрывает. Это нормально. Значит, ты ему нравишься, – улыбнулась она своему отражению и, открыв румяна, принялась полировать щеки. Такое ощущение, что она вообще думала только о том, какая она красивая, и не слышала о, чем говорю ей я.

Я стащила с волос резинку.

– Он мне волосы горлышком от бутылки отрезал, Юрке сигарету об руку затушил, преследует нас на каждой перемене! Я не вернусь в школу после каникул! Забери документы и переведи в другую! – заревела я.

Она наконец-то оторвалась от зеркала, встала со стула, и уткнула руки в бока.

– В школу ее переведите! Учиться не хочет, уроки делать лень! У тебя выпускной класс! – закричала она. – Какой может быть перевод?

– Он. Мне. Во-ло-сы от-ре-зал! – захлебываясь слезами, прочеканила я каждое слово. – Помнишь, у меня почти до пояса были, а теперь каре!

– Ты же говорила, что в парикмахерской подстригли, – прищурилась она, подозревая меня во лжи.

– Ну так понятное дело, мам, мне пришлось их подравнять!

– А мне очень нравится! Тебе так даже лучше, – взглянув на мою голову, сказала она. – А не то раньше постоянно лохматая ходила.

– А если он мне лицо изуродует, ты тоже скажешь, что мне так даже лучше? А если он убьет меня! А если он кислотой меня обольет! А если...

– Хватит! – рявкнула она. – Умеешь ты настроение испортить! Лучше всего получается! – она смахнула с туалетного столика косметичку, и все её содержимое рассыпалось по полу. Я зарыдала еще сильнее и попятилась к окну, подумав, что сейчас она возьмется за ремень. –

А ну успокойся! – приказала она. – После каникул схожу в твою долбанную школу, чтоб ее, и поговорю с директором.

Я закричала в истерике.

– Документы забери, мам! До-ку-мен-ты! Не надо к директору ходить жаловаться, только хуже сделаешь!

– Так ты помощи пришла просить у матери или как?

Я подошла к ней и, глядя на нее сквозь слезы, спросила еще раз.

– В последний раз спрашиваю, забереешь документы из школы или нет?

Она сделала умное лицо, как будто размышляет как правильно поступить.

– Если бы это был не выпускной год, то...

Я выбежала из ее комнаты, влетела в свою и хлопнула дверь так, что стекла в комнате задрожали.

Рыдала в подушку, держа в руке иконку, пытаясь достучаться до небес.

– В чем я так провинилась? Чем заслужила такое отношение? Почему всем, даже родной матери, плевать на мои проблемы? – Ведь я всегда была честной, доброй к людям, никого не обзывала, ни завидовала, ни сплетничала, ни предавала, ни обманывала, ни унижала, ни воровала. Неужели я не заслужила просто спокойно учиться в школе? – завывала в подушку я. – У кого просить помощи? Куда бежать? Что может остановить Царева? Пожалуйста, дай мне ответ, – пропищала я, и поцеловала иконку. – Сделай так, чтобы Царев нас больше не трогал. Избавь нас от него, прошу, умоляю. Пусть свершится какое-то чудо, которое навсегда избавит нас от унижений и мы сможем спокойно доучиться до выпускного.

Утром набрала Юрку и рассказала ему плохую новость. Он сильно расстроился, поругал мою маму, а потом тяжело вздохнул и сказал, что нам снова понадобится план на следующую четверть, но это уже после того, как я вернусь.

* * *

На все каникулы уехала в деревню. С любимой бабулей я забыла о школе, Царе, и даже о Юрке. Мне было так спокойно и хорошо в ее уютном теплом деревянном домике, что я готова была остаться там навсегда. Мы каждый день что-то пекли: пироги, блины, сырники. Перед сном она мне читала книги. Мы гуляли по лесу. Иногда просто так дышали воздухом, а иногда собирали клюкву и потом варили из нее морс.

– Что не хвастаешься, какую куртку тебе купили? – спросила бабуля, когда мы возвращались из леса.

– Еще не ездили на рынок, – ответила я.

Если расскажу ей, что мама решила отложить покупку, то бабушка рассердится, пойдет к своей приятельнице в поселок, который находится в десяти километрах от деревни, позвонит маме и выругает ее. А когда я приеду домой, мама выругает меня, за то, что рассказала.

– Куртку обязательно купи, Людочка, – поставив ведро с ягодами у входной двери, сказала бабушка. – Пожалей-ка моль! – ба засмеялась. Я нахмурилась, не понимая о чем она.

– Моль, говорю, помрёт от твоей облезлой дубленки. Это тряпье пора выбросить!

– Согласна... – вздохнула я.

Когда бабушка спрашивала как у меня дела в школе или дома, я расплывалась в улыбке и показывала «класс». Зачем грузить ее своими проблемами? Я уеду, а у нее будет болеть за меня сердце. Поэтому для бабушки у меня как всегда все отлично, много подружек, и в дневнике одни пятерки.

* * *

Совсем без настроения возвращалась домой. Дорога была долгая. Двести километров по разбитому асфальту казались вечностью. Автобус плелся как черепаха и на кочках раскачивался из стороны в сторону. Я как могла старалась отвлечься от мысли, что завтра мне предстоит пойти в школу и каким-то образом пережить еще два месяца до зимних каникул. Прислонилась лбом к окну, смотрела на серый пейзаж: голые деревья и грязные поля. Ела пирожки, которые подала мне в дорогу бабуля, и угощала женщину сидящую рядом.

– Ну что, отдохнула на каникулах? – жуя пирожок с картошкой, спросила попутчица.

– Угу... – вздохнула я.

– Ох, какая же прекрасная школьная пора! Какой прекрасный сейчас у вас возраст, – мечтательно улыбалась она.

Потом начала что-то рассказывать про свои учебные годы, про какие-то походы всем классом. Я кивала ради приличия, делая вид, что мне это интересно, а сама думала: когда я буду старенькой, как она, интересно, что буду рассказывать своим внукам?

«И вот тогда вашей бабуле отрезали волосы!» – а потом выплуну вставную челюсть и хрипло засмеюсь, добавив, что она у меня тоже со школьных лет, потому что мне все зубы выбили!

Одному богу известно, дотяну я до выпускного или нет... Как Царь будет вести себя с новой директрисой?

В последнее время меня часто посещала мысль о том, что единственный способ избавиться от страха и унижений – сбежать из дома. Заберусь в товарный поезд и уеду куда-нибудь подальше от забытого богом города, и от всего, что меня окружает. Заодно я облегчу задачу Юрке: он без угрызения совести перейдет в другую школу. Думаю, мама тоже не будет сильно горевать по мне. Разве что бабушку жалко... Она – единственный человек на планете, кому на меня не наплевать.

* * *

Мамы дома не было, но она оставила на кухонном столе записку: «Я ушла в ночную смену. Суп в холодильнике, вещи твои постирала, погладь их сама. Если бабушка передала денег, то положи на комод в моей комнате».

Я подскочила и выронила из рук записку, когда кто-то громко постучался в дверь. Пока шла по коридору, постучали еще раз пять. На цыпочках подкралась к двери и посмотрела в глазок. Это был Юрка.

– Совсем что ли? Ты чего так колотишься? – выругалась на него я.

– И тебе привет, – сказал он быстро дыша. Нырнул в квартиру, снял кроссовки, выдернул из кармана куртки какую-то бумагу, взял меня за руку и повел на кухню. – Муха, ты даже не можешь себе представить, какой у меня зашибентовский план! – радостно воскликнул Юрка, распечатывая бумажку. – Если все получится, то мы будем под надежной защитой вплоть до выпускного! – Юрка положил на стол записку, на которой были нарисованы какие-то квадратики с номерами, мост, дорога со стрелочками, ведущая к квадратику, на котором была надпись: «Вокзал».

– И что это? – я хмуро смотрела на листок.

– Это, Люска, маршрут к нашей свободе!

– погоди, ты тоже думаешь сбежать из дома? – удивилась я.

– Нет, Муха, кое-что посерьезней! – и голос Юрки опять стал похож на голос Сани Белого.

– Тогда не томи, выкладывай!

Глава 9

– Не Юрка, это смертный приговор! Я на такое не пойду.

– Это наш единственный шанс дотянуть до конца года, Муха! А если завтра Царёв с тебя штаны стянет? Вот только представь, что ты будешь делать? Прятаться в какой-нибудь подсобке, или разгуливать по школе в одних труселях? Пойти к ним – самое верное решение, и надо действовать прямо сейчас, иначе они сами найдут Царя, и тогда мы упустим свой шанс, – Юрка сел на кровать, закинул руку мне на плечо, вздохнул. – Люсь, сам Бог нам помощь послал, а ты от нее отказываешься.

«Сам Бог» – сказал Юрка. И тут я вспомнила, как недавно молила небеса о помощи. Может, действительно, это и есть та самая помощь? Но идти туда, куда предлагал Юрка, было очень рискованно и страшно.

– Я боюсь их! Там компания человек сто! Все крутые, старше нас и ездят на тонированных тачках. К кому к кому, но к бановским...

Бан, это район у вокзала, в который никто не любил соваться. Старшим бановским лет от двадцати двух до тридцати. Их в городе боятся и стараются обходить стороной. Эти парни так просто никого не трогают, и никогда не нападают толпой на одного. Но если они едут на стрелку, то хана их врагам! Еще бы, с таким-то войском, вооруженным битами и травматическими пистолетами. Все это я знала по слухам: «Бановские опять кого-то подстрелили», «бановские сцепились с зареченскими и половину зареченских в больницу отправили», «бановские сожгли тачку главаря затоновских». В общем слова «бановские» и «криминал» почти всегда соседствуют в предложениях.

На том районе жила Юркина двоюродная сестра Ульяна. Она на каникулах приезжала в гости к Юрке и между делом рассказала, что Шаман, главарь бановских, ищет Царя. Мол, на тех выходных на ночной дискотеке в ДК, Царь его младшего брата хорошо побил. Юрка пробил информацию у одноклассников, и те подтвердили. Сказали, что Царь был очень пьяный на дискотеке, и не понимал кого бил, а когда узнал, что брат самого Шамана лежит в больнице с сотрясением мозга, чуть коньки не двинул от страха. И теперь вся компашка Царя затаилась, боятся расплаты. Юрка выпытал у Ульяны где можно найти бановских, и теперь предлагает к ним идти... План у него, конечно, хороший – заложить Царя, но если что-то пойдет не так?..

– Если Царь знает, что его ищут, то навряд ли он со своими дружками сидят в «игровых автоматах». Все на районе знают, что это их место. Они наверняка затаились у кого-нибудь на квартире. И с чем же ты пойдешь к бановским?

– Я видел как Царь и толпа крестовских входили в общагу, которая напротив моего дома. Я думаю, что они там и ошиваются теперь.

– Юр, ну ты как маленький! Ты к детишкам в детский садик собираешься, или к самой страшной компании нашего города! Надо не «думать» а наверняка знать, где найти Царя!

– Тогда как стемнеет, пойдем к той общаге и будем следить.

– Вот еще! – фыркнула я. – Никуда не пойду! Ни за Царем следить, ни к бановским этим. Я так-то жить хочу.

– Ладно, трусиха, не хочешь так, тогда я уйду из школы! Вот прямо завтра попрошу мать забрать документы!

– О как заговорил! Быстро ты от своих слов отказался: «Я тебя не брошу, я без тебя не уйду!» – покривлялась я. Юрка отрешенно смотрел куда-то за мои плечи, как будто не слышал, что я говорю.

– Хотя ты права Муха... – задумчиво сказал он. – Тебе не надо идти со мной к бановским. Я тебя еще раз втягивать не буду. Сам пойду! Но сначала прослежу за крестовскими. – Юрка

свернул листочек, на котором было нарисовано, как добраться до бильярдной, в которой по вечерам можно найти бановских, встал с кровати и пошел в прихожую.

Я стояла посреди комнаты стиснув зубы от злости: идти к ним страшно, но и Юрку одного я не могла отправить. Еще в штаны наложит от страха, когда будет с бановскими разговаривать. Да и ему точно понадобится переводчик: он сто процентов будет сильно заикаться. А еще, если что-то пойдет не так, то он точно вскоре свинтит из школы, чего я не могла допустить.

– Ладно, я с тобой! – крикнула, пока Юрка не успел выйти из квартиры. – Только пойдем, когда стемнеет!

Потом я не раз вспомню этот момент. Именно в ту минуту я приняла решение, о котором мне пришлось очень сильно пожалеть...

* * *

– Чай допиваем и выходим, – судорожно вздохнул Юрка.

– Ух, боюсь... – поежилась я.

Одно дело – идти следить за Царем на нашем районе. Если что, убежим. Нам не привыкать петлять по дворам со скоростью ветра. А вот поехать на чужой район, чтобы наступать, вроде как, на своих же – совсем другое. Как бановские отреагируют на наш визит, только одному богу известно...

– Люська, загадай желание, у тебя на щеке ресничка, – улыбнулся Юрка застегивая куртку.

Закрыв глаза, я проговорила про себя: «Не оставляй меня никогда, никогда, никогда».

– Здесь? – спросила я, тыкнув указательным пальцем в левую щеку.

– Не-а, не сбудется, – засмеялся Юрка, подул на мою правую щеку и вышел на площадку.

– Именно этого я и боюсь... – вздохнула я, и вышла из квартиры.

Озираясь по сторонам, побежали к общежитию. Спрятались за углом, здесь как раз было темно и хорошо просматривался вход в подъезд. Проторчали там полчаса. Люди входили и выходили, но никого из компании Царя не было.

– Может, они просто к кому-то в гости ходили тогда? – едва я успела спросить, как на мою голову прилетело что-то мокрое и холодное.

Я дотронулась до макушки и, брезгливо сморщив лицо, подняла голову вверх. На одном из общих балконов послышались голоса и хлопок двери. В темноте было видно, как чиркнули зажигалки и замелькали угольки. И тут мне снова прилетело, только уже на лоб.

– Фу! – я вытерла лоб и голову рукавом куртки. – Меня оплевали!

– Т-с-с-! – Юрка закрыл мне рот рукой, затем наклонился и повел под балкон.

– Макс, может, стоит съездить к его брату в больницу и извиниться? – сказал кто-то.

– Ну да, если я хочу себе смерти, то, конечно, съезжу и извинюсь, – раздался голос Царя. – Бритва, ты думаешь, что все так просто? Шаман ищет меня явно не для того, чтобы выслушать извинения. Да он даже слова не даст сказать, пульнет из травмата, и поминайте, как звали.

– Царь прав. Нам надо отсиживаться пока все не утихнет.

– Я же тебе говорил, что они здесь! – шепнул Юрка.

Рядом с балконом, под которым мы сидели, упали чинарики. А затем снова захлопали двери.

– Уносим ноги! – Юрка схватил меня за руку и мы драпанули к моему дому.

А там нас ждал еще один сюрприз: соседскому ротвейлеру не понравилось, как мы несемся по двору и он, с громким лаем бросился за нами.

– Убери свою собаку! – подбегая к моему подъезду, кричал Юрка пьяному хозяину собаки. А тот, похоже, забыл, как складывать буквы в слова, мычал что-то невнятное, размахивая

вая поводком. Нам удалось заскочить в подъезд и захлопнуть дверь прямо перед носом злобной псины.

– Ну и д-денек! – быстро дыша, сказал Юрка и сел на подоконник между вторым и третьим этажами.

– Надо найти баллончик, – пропыхтела я. – А не то когда-нибудь она меня сожрёт.

Когда хозяин собаки трезвый, он выгуливает своего зверя на поводке и в наморднике. А когда он в дрова, то собака гуляет сама по себе и в любой момент может наброситься на кого угодно. Мама купила мне специальный баллончик, отпугивающий собак. А я все забываю брать его с собой.

Когда мы с Юркой отдышались, поднялись ко мне и обговорили наш план на завтра. Пытались найти нужные слова, чтобы бановские нас выслушали. Записали все на листок. Несколько раз проговорили. И только потом Юрка отправился домой.

Завтра нам предстоит пойти к тем, кого знает и боится почти весь наш город. И им сдать своих, крестовких. Какое-то нехорошее чувство внутри... Это не страх, и не трусость. Как будто от нашего решения слишком многое зависит. Дернем за рычаг – механизм запустится, и его уже никто не остановит.

Глава 10

До вокзала нам нужно было проехать семь остановок. А когда пешком далеко, и денег на проезд нет, можно попробовать зайцем. Юрка сказал, что у него есть план. Я даже не стала спрашивать какой именно. Почти все его планы провальные.

На остановке было очень много людей.

– Видимо, автобуса давно не было. Нам это только на руку: чем больше людей, тем лучше! – трясясь то ли от холода, то ли от страха, сказал Юрка.

Приехал автобус. Мы пропустили людей вперед, а сами встали у двери, чтобы выскочить на ближайшей остановке, если нас заметят.

– Передаём за проезд! – раздался голос кондуктора.

Полная женщина подняла над головами пассажиров сумку, из которой торчал рулон билетов, и протискивалась все ближе и ближе к нам. Мне стало страшновато, а Юрка как ни в чем не бывало разглядывал листочки с объявлениями на стенах автобуса, и делал вид, что не слышит кондуктора. Пока она добиралась до нас, удалось проехать целых три остановки.

– Молодые люди! – обратилась к нам женщина. – За проезд передаем!

Юрка с притворным непониманием обернулся к ней:

– Экскьюзми? – выдал он.

Кондуктор, выгнув одну бровь дугой, удивленно уставилась на «иностранца».

Я отвернулась и засмеялась в воротник куртки.

– Я говорю, мани, мани за проезд!

– Сори, ай донт спик! – я еще больше задержалась от смеха и толкнула Юрку в бок. Он отвратительно говорил по-английски. – Айм нот раша! Не понимать, – развел руками Юрка.

Судя по улыбкам пассажиров, в автобусе только Юрка верил, что он иностранец.

Кондуктор бросила взгляд на его потрепанные синие кеды, на куртку, с надписью «Русский север» на груди, и, уткнув руки в бока, отрезала.

– Слышь, американец! Если сейчас за проезд не заплатишь, то дам пенделяуса по жопаусу и вылетишь из автобуса прямиком в Америку!

В этот момент автобус остановился на остановке, и мы выскочили из него, едва успели открыться двери.

– Ну ты балда! – хохотала я на всю улицу.

– Думал, прокатит, – обиженно буркнул Юрка. – А ты могла бы и подыграть!

– Ага, – еще больше хохотала я и стала изображать невозмутимое лицо Юрки. – Экскьюзми? Айм нот раша! – у меня живот свело от смеха. А Юрка шагал злой и красный. – Лучше в следующий раз глухим притворись, так хоть меньше опозоришься. Американец ты недоделанный!

Веселье быстро улетучилось, когда мы спустились с моста и подошли к вокзалу. Нам нужно было пройти метров триста вдоль пятиэтажек, затем свернуть в темный, безлюдный переулок, пройти еще метров двести, и мы окажемся у бильярдной.

– Ох, Юрка, чем дальше, тем страшнее! – по моему телу пробежали мурашки.

Идти к самой большой и опасной компании города в чужой район, поздно вечером, могут только два идиота, как мы.

– Не ссы! Бить нас точно не будут, это не в их п-правилах.

Мы подошли к двухэтажному кирпичному зданию, где была вывеска, в которой не горели буквы в середине, и вместо «бильярдная» получилось «бильная».

– Даже название соответствует... – судорожно вздохнула я, почему-то представив, что внутри как в камере пыток: протыкают глаза кием, засовывают в одно место бильярдные шары... – Юрка! – я дернула его за руку. – Давай еще раз подумаем!

– М-муха, если ты б-боишься, то иди на-назад! Я с-сам п-поговорю с ними!

– Если ты будешь так за-заикаться, то тебя и слушать не станут, а приколотят кием к бильярдному столу! – рывкнула я.

Скрипнула железная дверь, и на улицу, подкуривая сигарету, вышел крепкий парень в кожаной куртке нараспашку, с большим шрамом на лице и татуировкой змея на шее.

– Змей, – шепнул Юрка.

Кличка этого парня часто гремела в компаниях: «Змей подстрелил кого-то», «Змей башку проломил», «Змея менты приняли». Он нахмурился, увидев нас, сделал затяжку и спустился на пару ступенек. Я невольно шагнула назад.

– Чего тут трётесь? – грубо спросил парень.

– М-мы это...

– Шамана ищем! – пискнула я.

После небольшой паузы парень засмеялся.

– И зачем он вам?

– Д-дело важное есть, – ломающимся голосом ответил Юрка.

– Важное, говорите?.. – усмехнулся парень. – Ну, тогда слушаю!

Мы с Юркой переглянулись, не зная, что делать: говорить про Царя Змею, или все же попросить его позвать Шамана. Но когда парень свел брови к переносице и сердито уставился на нас, решение пришло само собой.

– Мы знаем, где найти Царя, – протараторила я, пока он не захотел надавать нам по шее.

Змей резко изменился в лице, его явно это заинтересовало. Он бросил в урну окурков, и зашел обратно в здание.

– Я сейчас в обморок упаду от страха, – прошептала я, чувствуя, как сердце забилось у горла.

– Я тоже, – шепнул Юрка.

На улицу вышло человек пятнадцать. Все как на подбор: лица бандитские, взгляды недобрые, почти все в черных кожанках, у некоторых я заметила татуировки на руках, и даже причёски почти у всех одинаковые: волосы коротко подстриженные. Кто-то спустился к нам, кто-то остался наверху. Мы понятия не имели кто из них Шаман, и был ли он среди вообще среди них.

– Повторите, с чем пожаловали! – приказал Змей.

– Мы знаем, где найти Царя, – пропищала я.

– Выкладывайте! – сказал громила с четками в руках.

– У нас есть усл...

– Просьба! – перебила я Юру, подумав, что не стоит им ставить никаких условий. – Если мы расскажем вам, где найти Царя и его компанию, то не могли бы вы защитить нас от них? Мы сами с того района, а за помощью пришли к вам, потому что больше не к кому.

Я заметила, что один из парней, оставшихся на самой верхней ступеньке, пристально смотрел то на меня, то на Юрку. Мне показалось его лицо очень знакомым, как будто мы недавно где-то виделись.

– Слушайте, милюзга, вы ничего не перепутали? – к нам направился здоровенный качок, остановился напротив, закрыв своей фигурой вид на всех остальных, и принялся разминать кулаки. – Здесь где-то написано «Центр оказания помощи»? – мы испуганно замотали головами. – Говорите где Царь и валите отсюда, пока ноги целые.

Смотрела на парня, как мышонок на удава, и не могла произнести ни слова. Ком в горле не давал сглотнуть, и внутри поселилась какая-то жуткая смесь страха, обиды, отчаяния, и чувства безысходности. По моим щекам покатились слезы. Как мне захотелось отмотать время назад и остаться дома, вместо того, чтобы переться сюда. Сейчас нам придется заложить Царя, а потом, когда Царь об этом узнает, он нас убьет. Если, конечно, его не прикончат первым.

– Ну! – подгонял громила.

Мы с Юркой переглянулись и оба поняли, что отступить некуда. Придется рассказать.

Пока Юрка сильно заикаясь объяснял как на нашем районе найти общагу, в которой мы видели Царя, я никак не могла унять слезы. Опустила голову, чтобы никто их не видел и только носом шмыгала.

– Ну, молодца! Так сказать, спасибо за полезную информацию, – закончив разминать кулаки, парень сунул руки в карманы и выпрямился. – А теперь проваливайтесь отсюда!

Больше не проронив ни слова, мы потопали в сторону моста. Воротник куртки пропитался моими слезами. А в голове была одна мысль: Боже мой, что же мы наделали...

– Стойте! – раздался голос за нашими спинами.

Мы одновременно застыли на месте. Переглянулись. Я заметила, как у Юрки задержался глаз. Развернулись и увидели, как по ступенькам спускается парень, который весь наш разговор пристально смотрел то на меня, то на Юру.

– Лица у вас знакомые... – парень подошел ближе и по очереди обвел нас взглядом. – Слушай... А не ты ли достала из пруда мою сестру? – обратился он ко мне.

И я узнала в нем парня, который тогда бросился в пруд и забрал из моих рук девочку. Я разволновалась от счастья и забыла все слова на свете. Что-то мне уже подсказывало, что сегодня мы обретем надежную защиту.

– Она! – ответил за меня Юрка и толкнул локтем в бок. – Ты чего тормозишь? – прошипел он.

Парень ослепительно улыбнулся и протянул мне руку. Я робко протянула свою.

– Спасибо тебе! Человеческое спасибо! – он крепко сжал мою ладонь. – Что могло случиться с ней, если бы не ты! – он смотрел на меня с огромной благодарностью и долго не разжимал ладонь. – И ты молодец, что на помощь позвал! – переключился он на Юрку и похлопал его по плечу, как-то по братски, что ли. – Я ведь даже не поблагодарил. В шоке был, извините ребята. Да и сестра вся замерзла и перепугалась сильно. Пришлось сразу домой везти. Вот еще думал, как мне вас найти, чтобы отблагодарить. А вы тут сами нарисовались, – посмеялся парень. – Видимо, судьба!

К нам подошел Змей.

– Шаман, тогда это уже меняет дело! – мы с Юркой раскрыли рты, узнав, что сестру самого Шамана спасли! – Ну что, поможем ребятам?

– Конечно! Это дело чести! – улыбнулся нам Шаман.

Все остальные его поддержали и с этого момента смотрели на нас не как на двух малолеток, а как на героев.

– Пойдемте к нам, расскажете, что у вас стряслось.

Толпа расступилась, и мы с Юркой уверенно направились в бильярдную.

Внутри было несколько столиков с кожаными диванами, три бильярдных стола, над которыми горели яркие лампы, телевизор, транслирующий боксерский матч, за барной стойкой протирали стаканы бармен, а к столику, за который нас проводили, подошла улыбчивая официантка и положила на стол меню.

– Два чая и... – Шаман обратился к нам. – Ребят, вы пиццу любите?

Мы с Юркой кивнули.

– Выбирайте! – он пододвинул к нам меню.

Я тыкнула пальцем в первое попавшееся название, а Юрка, гаденыш, внимательно изучал ингредиенты всех предложенных пицц. Как будто его на свидание пригласили!

– Я буду «Мясную», – улыбнулся он официантке.

За нашим столиком сидели только мы с Юркой, Шаман и Змей, а все остальные расположились за соседними.

– Как вас звать-то? – спросил Змей.

– Юра.

– Люда.

– Змей, – он подмигнул мне и пожал руку Юрке.

– Меня вы уже знаете, – сказал Шаман. – Можно просто Костя, – улыбнулся он, и обвел взглядом соседние столики. – Остальных перечислять не буду. Все равно всех не запомните.

Шаман снял куртку, размял широкие плечи, шею, и расслабленно откинулся на спинку дивана.

– Ну что, Юра и Люда, внимательно вас слушаем.

Мы с Юркой, перебивая друг друга, рассказывали как нас достал Царь. И про то, как штаны с Юрки стащили, и как мне волосы обрезали. Юрка показал им шрам от ожога.

– Вот так Царь! – сказал кто-то из парней.

– Недолго ему осталось.

– Жаль, еще молодой был... – посмеялся кто-то.

– Рано еще о нем в прошедшем времени говорить.

– А у него другого пути не будет. Он подписал себе приговор.

Мне стало не по себе от их слов, и совсем не нравилось, что они говорили о Царе в прошедшем времени. На что способны эти парни? Неужели, убьют?.. В отличие от меня, Юрка с довольной физиономией уплетал пиццу и хихикал над тем, как парни обещают уничтожить Царя.

– А ты чего не ешь? Испугалась что ли? – улыбнулся мне Шаман. – Да они же шутят. Так, проучим мальчика, чтоб больше не проказничал, – подмигнул он и кивнул на тарелку. – Ешь давай, пицца остынет.

Когда мы допили чай и съели пиццу, Шаман предложил подбросить нас до нашего района. Сели в черную иномарку с тонированными стеклами, Шаман включил музыку, и с комфортом, доставил нас до моего дома.

– В общем, завтра отсидитесь, а послезавтра уже смело можете идти в школу! – сказал он напоследок.

Глава 11

– Ой, Люська, что-то страшновато. А вдруг они к ним не ездили? Или ездили, да забыли сказать, чтобы нас не трогали. Может, сначала к кому-нибудь из класса сходить на разведку, и узнать Царь в школе или нет?

– Шаман слов на ветер не бросает! Я надеюсь... – скидывая учебники в сумку, ответила я. – Вчера школу прогуляли. Не хватало еще, чтобы классная домой заявила! Надо идти!

– Надо идти! – передразнил меня Юрка. – Конечно, не с тебя штаны сняли! – он встал с моей кровати и тяжело вздохнул. – Смелая нашлась...

– Думаешь, мне не страшно?

– Ой, да ты и ночью в подвал под тревожную музыку пойдешь, знаю я тебя, – Юрка поднял свитер и гордо заявил. – Смотри, что я придумал!

Я чуть со смеху не упала, когда увидела полосатые подтяжки, прикрепленные к брюкам.

– Чего хохочешь? Зато штаны не стянут! – он оттянул ляжку и тут же отпустил, шлепнув по голому животу. – Видала, как крепко держатся!

* * *

На всякий пожарный мы решили прийти в школу со звонком. Я побежала на третий этаж в кабинет химии, а Юрка на первый, на биологию.

– Мухина, у нас урок в восемь часов начинается, а не в восемь ноль пять! – строго сказала учительница и кивнула мне на свободную парту.

– А она у нас не Мухина, а Улиткина! – выкрикнул Степанов. – Сами понимаете, пока поползёт, пока переоденется, – в классе слышались смешки. Проходя мимо этого умника, шлепнула по его кудрявому затылку.

Весь урок Дашка с Иркой о чем-то шептались. Химичка им раз пять сделала замечание, а потом Ирку пересадила за мою парту. Та минут пять помолчала и заговорила теперь уже со мной.

– Ты в курсе, что Царев в больнице лежит? – шепнула она.

– Нет.

– Блин... – нахмурилась Ирка.

– А что с ним?

– Да говорят, драка была какая-то. Очень кровавая. Всем крестовским ноги и руки переломали. Царю больше всех досталось.

– Ужас... – в груди что-то сдавило от ее слов.

Да, с одной стороны, мы освободились от Царя и всей его компашки. Но с другой... А если они его инвалидом сделали?

– А с чем он в больнице лежит? – прошептала я.

Ирка пожала плечами.

– Ты про бановских слыхала?

– Так, немного... – соврала я.

– Говорят, это они наших избили.

– Щеглова! – я вздрогнула от громкого голоса учительницы. – Я тебя зачем к Мухиной посадила, чтобы ты с ней поболтала? Может, вам чаю с баранками принести, а мы все выйдем в коридор, чтобы вам не мешать?

Ирка уткнулась в учебник и до конца урока не проронила ни слова.

После химии я побежала на первый этаж искать Юрку. В коридоре наткнулась на Хохла. У него под глазом был сине-фиолетовый синяк и забинтована левая рука. Хохол, увидев меня, опустил глаза и быстро зашагал в противоположную сторону.

– Людка! – в конце коридора махнул рукой Юра и со счастливой улыбкой бросился ко мне навстречу.

Я шла к нему с каменным лицом.

– Ну что, наши победили! – радостно крикнул он и давай меня обнимать. Я его тут же отпихнула.

– Ты дурак? – крикнула я в его радостное лицо. – Ты вообще в курсе, что Царь в больнице?

– Конечно! Весь класс об этом гудит. Зато теперь и на пушечный выстрел к нам не приблизится! Всем его друзьям вчера хорошенько досталось. У кого переломы, у кого сотрясение. Но этому гаду больше всех досталось!

– Юра, очнись, – я пощелкала пальцами возле его лица. – А если бы его убили? Ты понимаешь, что это мы были бы в этом виноваты!

– А ты когда к бановским шла, о чем думала? Что они возьмут с собой шампанского, конфет, и пойдут с ним мило беседовать? Мы ведь оба понимали, что будет драка! Что прольется кровь!

– Идиот... – вздохнула я. – Опять «Бригаду» смотрел? Бандит ты недоделанный, который носит подтяжки, чтобы штаны не стянули, – дала ему щелбан и пошла в столовку.

Юрка постоял несколько секунд и побежал за мной.

– Да ладно тебе, Царь же не умер! У него с ногой что-то и сотрясение мозга. Я считаю, что он это заслужил! – Юрка ткнул пальцем в свой ожог. – Зато те, кто вчера уцелел в драке, теперь меня стороной обходит. Я после биологии в тубзик зашел, а там Сиплый, я по привычке назад попятился, а он мимо меня прошел и даже плечом не задел, даже слова ни сказал! Я чуть не присел от удивления! Во, думаю, как их шуганули! Значит, Шаман свое слово сдержал и передал им, чтобы нас больше не трогали. А значит, мы с тобой выиграли эту войну! И нас больше никто не тронет! Радоваться надо, а не с кислой миной ходить!

Царь в сознании, и не при смерти, фух... И я поймала себя на мысли: вот почему я его жалею? Он унижал меня, отрезал волосы, угрожал подпалить мою руку зажигалкой. Наверняка он не думал о том, как мне было больно, обидно, стыдно, противно, когда мне в лицо смеялись, когда я, вымазанная в грязи, стояла на коленях и плакала. Воскресив в памяти эти жуткие воспоминания, я успокоилась и прекратила карать себя за то, что Царь сейчас в больнице. Да и травмы у него не смертельные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.